

ФЭЛЬЕТОНЪ.

ОСТЯЦКІЯ СКАЗКИ

изъ
ВЕЧЕРА НАДЪ ОБЬЮ.

Лѣтомъ 1887 года мнѣ пришлось провести болѣе мѣсяца надъ рѣкою Обью. Случилось это по приглашенію одного моего пріятеля, стараго холмиска, томскаго купца, арендовавшаго тамъ рыболовные «цески» у остяковъ.

Узнавши, что и нѣмроушъ былъ переселиться на все лѣто надъ городами въ деревню, пріятель мой предложилъ мнѣ поребратиться къ нему. «У меня тутъ настоящая дача, — виселья онъ мнѣ, — увидишь, какъ славно проведешь здѣсь лѣто. Тутъ и рѣка и о бокъ тайга. Хочешь — катайся по синимъ волнамъ, хочешь — шайбей съ ружьемъ по лѣснымъ трупобоямъ. Или полежилай себѣ съ сигарой въ зубахъ на вышнѣхъ или въ тѣни, на чистомъ воздухѣ, — и хорошо и здорово. Но то, что въ какой-либо деревнѣ, заповальной шавозомъ, падалью и великой гадостью.»

И съ охотой принявъ приглашеніе и отправившись изъ Томска въ Тобольскую губернію, на «цески» моего пріятеля, котораго буду называть Василіемъ Петровичемъ. У него дѣйствительно оказалась тамъ прекраснѣйшій домикъ съ огромной задою, называемой конторой, и дача маленькіяя комнатами. Въ одной изъ нихъ помещался Василій Петровичъ, а другая предназначена была всецѣло мнѣ.

По прибытіи моемъ на эти пещи, я довольно удивленъ увидѣлъ чисто дѣйствительной природы. Передо мною съ одной стороны рѣка, разлившаяся такъ, что невозможно было увидѣть противоположнаго берега, — настоящаго моря; съ другой стороны сибирскія тайга, — это тоже знаменитость своего рода, представляющая сплошное

(*) Тамъ находится «Обьяя равнина», на которой находится пещера Василія Петровича, называемая ежегодно водой чуть не на 60 верстное пространство.

пространство нервыбывшихъ лѣсовъ, на которыхъ, по выраженію русскаго народнаго зюоса, —

Лѣса со лѣсами совпадаютъ,
Нѣтъ по землѣ раздѣляющихся...

Она напомнила мнѣ лучшіе въ моей жизни годы, проведенные на золотыхъ пріискахъ.

Но видѣвъ безбрежной рѣки я наслаждался лишь издали. Каташе же по ея синимъ и чересчуръ уже размашистымъ волнамъ не имѣло для меня никакой привлекательности, хотя я и отвѣждался на него иногда, уступая настояшіймъ Василію Петровича, старавшагося всячески меня развлечь. И сильно боялся воды, и опасеніе это было довольно основательное: и по умѣю плавать и два раза въ жизни едва не утонуть. Но хотѣлось похвергнуться этой опасности въ третій разъ.

Дорогой мой пріятель, рассказавши въ письмѣ своемъ прелести мѣста, куда меня заманилъ, ниче не умолчалъ объ обихъ комарахъ. Комары эти какіе-то особой породы, мохнаты и чрезвычайно назойливы. Они, а также и мошки, поименно поименно подѣ Петрова дача, составляютъ настоящій бичъ рыбаковъ. Мошка, по своей миниатюрности, проникаетъ всюду; комаръ же поражаетъ открытыя части тѣла. Отъ этого «гнуса», какъ называютъ сибиряки этихъ паразитовъ, нѣтъ спасенія даже и бѣднымъ животнымъ. Я бы съ первыхъ дней убивалъ съ этихъ вымыхъ пескомъ, если бы у Василія Петровича не имѣлось средствъ противъ комаровъ и мошекъ, имъ снятыхъ изобрѣтениаго. Состояло оно изъ цилиндра, настояннаго какимъ-то антипаразитнымъ сподобьемъ. Стоило только помазать имъ лицо, шею и руки, и «гнусъ» къ вамъ не подступитъ. Рабочіе вообще надѣвали на лицо сѣтъ изъ волскаго волоса и этимъ пѣсколко спасались отъ комаровъ и мошекъ. Но руки всецѣло отдавались имъ въ добычу, если не обмажутся смолою или дегтемъ.

Тайга тоже наводила на меня грустныя думы не по испоминиваліамъ, а по отношенію къ ея будущности. Для другаго народа сибирскія тайга съ своимъ обиліемъ пушнаго зюбра сдѣлались бы неистопимомъ областію радіациональнаго прораженія кукутурной дѣлительности тѣмъ, чѣмъ сдѣлались лѣса Сѣверной Америки для

тружениковъ иурталь английскихъ. Для сибирскаго же народа, не могущаго до сихъ поръ познать естественныхъ силъ природы, не научающагося никакимъ рациональнымъ способомъ промышленности, народа грубаго, хищнаго и нечужественнаго, тайга съ ея богатствами сдѣлалась воприщемъ чудовищной, безпощадной, непроизводительной эксплуатации. Какъ зѣва, такъ и ихъ шумистые обитатели истребляются безъ малѣйшей огадки на будущее. Заброшенные охотники во всякую пору, а земледѣльцы изъ-за влохы своей тощей пашни пускаютъ «палъ» по лѣснымъ пространствамъ на сотни верстъ. Многие изъ этихъ заброшенныхъ пространствъ начинаютъ уже бросать дѣдовскіе куземники, капканы и прочія орудія для ловли пушинаго звѣря. Ихъ зимовья, построенныя въ дѣвяхъ лѣсныхъ трупобазъ и служившія некогда складами драгоценной добычи, давно уже пустуютъ. Многие округа совершенно уже обезлѣнились, и народъ въ нихъ встаетъ волкомъ отъ холода и голода. Тамъ, гдѣ нѣтъ никакой личной и сознательной борьбы противъ того, что не рационально, глупо и позорительно, тамъ борется сама природа, и она, рано ли, поздно ли, за несоблюденіе чужа, мѣры и зѣва въ ея экономіи, столкнется грабителя въ ту яму, которую онъ самъ себя вырыгаетъ. Такая участь постигла сибирское население во многихъ уже мѣстахъ.

Меня болѣе всего занимали остяки, съ которыми привалось мнѣ тутъ встрѣтиться впервые. Сибирскіе инородцы всегда меня сильно интересовали. И вотъ мнѣ, отъ чего дѣлать, вздумалось заняться изученіемъ остякаго языка. Большая часть рабочихъ моего пріятеля состояла изъ остяковъ. Но оказалось, что этотъ языкъ подраздѣляется на три главныхъ нарѣчія: совниско-ляпинское, сургутское и обдорское. Нарѣчія эти до такой степени отличаются одно отъ другого, что остякъ, говорившій совниско-ляпинскимъ нарѣчіемъ, съ большимъ трудомъ можетъ понимать остяка сургутскаго или обдорскаго. Причину такого различія въ нарѣчіяхъ одного и того же племени слѣдуетъ искать въ его исторіи, но исторія остяковъ основана на однихъ пока предположеніяхъ. Изъ разспроса стариковъ я тоже не могъ вывести ничего опредѣленнаго. У нихъ самихъ чрезвычайно сбличныя понятія о своемъ племени. Въ одномъ только они сходились, что племя ихъ

было некогда многочисленное, что у нихъ были свои города, что жизнь ихъ была гораздо лучше нынѣшней и что имъ рано ли, поздно ли придется изжиться. Грустно было слушать подобнаго рода сѣтованія отъ народа честнаго, добросовѣстнаго и услужливаго, въ виду торжествующаго хищничества и безчеловѣчности нашихъ осваивающихся русскіевъ. Но фатума не изменить.

Литературическій трудъ мой оказался мнѣ по по силамъ, и я припужденъ былъ его бросить. Однажды, утомленный одновѣрно изодая въ день тапушекую рыболовной сутолодой, вышедшей для меня интересъ новизны лишь сплывала, въ первые дни моего пребывания на посахъ, я подумалъ порадовать себя какой-нибудь экскурсіей въ тайгу, которая начиналась тутъ же въ виду, о чемъ и записалъ Василію Петровичу.

— Возьми проводника собѣ изъ остяковъ! — сказалъ онъ мнѣ. Безъ проводника ты, пожалуй, заблудишься. Вдвоемъ съ остякомъ не опасно тебѣ будетъ пострадать даже и съ мышкой-тапугинымъ, а этихъ мышекъ тутъ не мало.

Я сдѣлалъ вызовъ остякамъ желающаго сопровождать меня въ тайгу. Но остяки что-то какъ будто не рѣшались и долго между собою перешептывались. Наконецъ одинъ изъ нихъ, бодрый старикъ, взялся быть моимъ провожатымъ.

— Онъ хорошо знаетъ тутошній урманъ, заговорили тогда прочіе. — Съ нимъ нельзя заблудиться. Онъ и медвѣди не боится.

Мы отправившись часовъ въ восемь утра, запаслись на весь день провизіей. Я — съ отличной двустволкой, остякъ — съ пазврячей винтовкой.

Пошли мы по тропинкѣ, вѣроятно протоптанной стадами дѣкихъ животныхъ, приходившихъ къ рѣкѣ, когда тутъ во было людей. Я велѣлъ остяку идти впередъ.

Какъ во всякой сибирской тайгѣ, такъ и тутъ, сначала пошли березы, кедры и преимущественно лиственницы. Но чѣмъ дальше мы углублялись, тѣмъ болѣе въ сѣмси деревья замѣчались преобладаніе хвойной породы надъ лиственницей. Часовъ пять

(*) И теперь еще остяцкое племя является многочислѣннѣйшимъ въ сравненіи съ другими племенами Сѣверной Сибири.

пробродили мы по едемъ армійнымъ лѣснымъ тропамъ, падающимъ въ равнину наплаченнаго. День вышолъ чрезвычайно жаркій.

— Вавтра непременно будетъ дождь!—сказалъ мнѣ остиакъ.

— Почему ты это знаешь?—спросилъ я.

— Шибко воняютъ эти лѣвты!—отвѣчалъ онъ, указывая на густыя жимолости (сирііонны) Эта прирѣта изибетна вѣвѣтъ, прожигиющимъ въ тайгѣ. Тишина кругомъ царила, какъ-то томительно, душила. Ничего, хоть бы на смѣхъ, намъ не понадалось. Лѣсная жизнь, какъ будто замерла подъ давленіемъ этой жары и томительной тишины. Вдругъ на одной тропѣ бросился въ глаза великаго кака-то великаго слѣда, онъ началъ ихъ не только осматривать, но даже и обнюхивать. Звѣкъ объявилъ мнѣ, что это слѣды медвѣди и очень большого.

— Онъ тутъ гдѣ-нибудь...—недотече, добавилъ онъ, пристально осматривая кругомъ.

Чистовериею признавъ, что это злѣзленіе по очень мнѣ неправильно. Я какъ-то много почувствовать усталость и сообщила объ этомъ остиаку.

Тотъ улыбнулся.

— Усталъ, такъ пойдемъ дохой!—проговорилъ онъ довольно флегматично.

И мы повернули назадъ.

Черезъ полчаса ходьбы я услышалъ въ сторонѣ отъ тропинки, по которой мы иделись, какой-то странный звукъ. Это было нечто среднее между слышимымъ протяжнымъ птичьимъ свистомъ и кошачьимъ мяуканьемъ.

— Что это такое?—спросилъ я остиака, остановившись.

— Это поизигиваетъ бѣлка,—отвѣчалъ онъ и указалъ на высокую листовницу, на верхушкѣ которой сидѣтъ этотъ шиброкъ, граціозно попергиваясь и помахивая своимъ пушистымъ хвостикомъ, словно иберомъ. Я схватился за ружье, но при первомъ моемъ движеніи бѣлка прыгнула на верхушку другой листовницы, и опять раздался ея голосъ. Я сдѣлалъ два или три шага по направлению къ ней, приложился и выстрѣлилъ. Но бѣлка вмѣстѣ того, чтобы свалиться, какъ я ожидалъ, потому что я рѣдко даю промахъ, перепрыгнула на верхушку слѣдующаго дерева. Опять

раздался ея странный шиброкъ. Мнѣ почувдалась къ нему какъ-то злая, пемѣшлывающая потва. Но я не досадовалъ. И даже обрадовался неудачности моего выстрѣла. У меня промелькнула мысль, что я, не будучи въпрямуюмышленникомъ ех professo, послыгулъ на жизнь великаго шиброка, который, какъ и великая тварь, хочетъ жить и наслаждаться по-своему жизнью. Но мнѣ начало стѣновиться стыдно передъ остиакомъ, который поглядывать на меня не то преритально, но то свисходительно. Стылъ, порожденный густѣющимъ тидеэлапемъ, заглушилъ по мнѣ жалостливое чувство. Я опять приложился и сдѣлалъ второй выстрѣлъ, но бѣлка прѣблагородно поперпрыгнула на слѣдующее дерево, а съ него на другое, шиброкъ па третье и цошла гузить по тайгѣ.

— Позволь мнѣ ее пришибить!—отозвался остиакъ.

— Штъ, штъ!—заупрямился я.—Мнѣ самому хочется ее узлжить. А ужъ уложу я ее непременно.

— Ну, какъ знаешь, твое дѣло...—произнесъ остиакъ, пожимъ плечами. Только мнѣ сдается, что ты, господишь, напрасно порохъ будешь тратить, ты осерчалъ, и руки у тебя трелеутся.

И началъ преслѣдовать бѣлку. Коо-какъ я дождаюсь, что она заняла положеніе, благоприятствующее прицѣлу, и вселтъ въ нее третій зарядъ, но и этотъ постила та жо уласть, что и въ первые. Бѣлка себѣ прѣсновоино попрыгивала, помахивала хвостикомъ, поизигивала и словно подбѣжала надо мною.

— Ну-ко пошробуй ты!—обратился я къ остиаку.—У меня дѣствительно руки трелеутся.

— То-то оно и есть! прощѣднѣ остиакъ скривъ зубы.

Онъ лѣниво оставилъ свою малопушную винтовку, раздался выстрѣлъ, похожій болѣе на щелчокъ, и бѣлка махнула на шушуку другого дерева.

— Что за шорта?—произнесъ остиакъ нѣ недоумѣніи.—Ни она бѣлка еще не уходила отъ меня съ тѣхъ поръ, какъ я началъ брѣмышлять. А эта стѣва, лѣви ее, восмѣялась надо мною. Ногодъ же, голубушка!

Мы прошли въ бѣлкей довольно значительное пространство. Остиакъ не переставалъ изрыгать на бѣлканю зѣвѣка нещастнаго русскую брань. Наконецъ удалось ему выстрѣлнть. И опять промахъ

— Ишь, произнесъ онъ, плюнувъ съ досады и зряяши на-скоро впитовку... Эта бѣлка по для пасты... Это не простая бѣлка, а какой-то «куль»*). А куля не позыметъ никакая пуля... Иѣрно тебѣ говорю, господиш!

— Виктор! закричалъ я.— Увидиши, какъ этого куля позыметъ даже дробь, не то, что пуля.

И опять началась у пасты погоня за бѣлком.

Прошло нѣсколько минутъ. Вдругъ я замѣтилъ на лицѣ и въ глазахъ моего проводника какой-то белокошество.

— Ты чего?—спросилъ я его,—словно неужался чего-то?... Что съ тобою?

— Ничего, отлѣчать онъ. Лучше оставишь эту распродланную бѣлку въ покоѣ, пороку жалко, но стоить, пойдемъ домой, сегодня намъ не фарти.

Но въ это время бѣлка остановилась на самой верхушкѣ стройной высокой лиственницы, только въ довольно значительномъ отдаленіи. Она словно намѣревалась тутъ отдохнуть. Болѣе удобнаго для выстрѣла положенія во все время своей прогулки она не избирала. Я потихоньку началъ къ ней подкрадываться и только-что привидѣлъ ружье, какъ она припала внизъ съ высоты какихъ-нибудь десятковъ сажень и исчезла въ топкахъ зелени. Черезъ нѣсколько секундъ она уже выбиралась не по итваламъ, а по толстому стволу гигантскаго кедра.

Опять минута благопріятная. Но едва я начала наводить мою двустволку, какъ острая, изъ вагъ не отставшій отъ меня, схватилъ рукою дѣло и отыгъ его въ сторону.

— Оставь, господиш!—закричалъ онъ задыхающимся голосомъ! Тутъ мѣсто такое, что стрѣлять нельзя. Грѣхъ. Бѣда будетъ. Большая бѣда!

— Что такое? Сдурѣлъ ты, что-ли?—обратился я къ нему, съ сильной досадой, такъ какъ бѣлка уже скрылась въ густотѣ кедровыхъ вѣтвей. Какое мѣсто? Какая бѣда?

— Уйдемъ отсюда поскорѣе! Мѣсто нехорошее!—произнесъ онъ едва съ трудомъ и трясся со страха.

Я осмотрѣлся. Неродъ нами была небольшая открытая поляна. Среди ея стоялъ гигантскій кедръ, по стволу котораго карабкалась за минуту бѣлка. Сама поляна представляла восхитительный поворотъ, въ ярко-зеленомъ фонѣ котораго сверкали тысячи кукушничьихъ банничковъ, и между ними, словно оциновыя вывѣсточилы, выступали цвѣтки сараны,—этой сибирской лилии. На нѣкоторыхъ нижнихъ вѣтвяхъ кедра висѣли разноцвѣтные лоскутки—сукошныя и ситцевыя, въ родѣ ленты, два или три жевскихъ платка, рубашка краснаго ситца и мужскіе довшинные порты. Сзади кедра надвѣялась остиацкая амбарушка на столбахъ, покрытая сверху берестой, съ маленькою лѣстницею, ведущей къ полуоткрытымъ дверцамъ.

— Тутъ кто-нибудь живеть?—спросилъ я остиака.

— Уйдемъ отсюда поскорѣе!—прошталъ онъ, все еще не переставая трястись, словно лихорадка его допымала.

— Да ты скажи мнѣ—кто тутъ живеть?

— Не знаю! Мѣсто шибко нехорошее. Уйдемъ поскорѣе господиш!

Нечего дѣлать, мнѣ становилось яснымъ, что это какое-нибудь спячонное мѣсто у остиаковъ. Я не сталъ больше настаивать.

— Чего ты испугался?—сказалъ я остиаку. Я не воню, я никогда не рѣшусь оскорбить вашу святыню. Тебѣ прямо надо бы то мнѣ сказать, что мѣсто это у насъ считается святымъ, тогда самъ бы ты не испугался и меня не привелъ бы въ недоумѣніе, а то я подумалъ Богъ знаетъ что такое!

— Да, это мѣсто святое,—отозвался, нѣсколько успокоившись, остиакъ. Тутъ наши приходять молиться.

— Кому же они молятся?

— Не знаю.. Я самъ еще вѣдь не бывалъ... Другіе ходили и скызывали.

Мы отправились домой, и болѣе съ нами не было никакихъ приключеній.

Вечеромъ, за чашемъ, въ конторѣ, я рассказывалъ Василию Петровичу похождения мои съ бѣлкою и о святомъ остиакомъ мѣстѣ, на которое пональ случайно.

— Изъ всѣхъ сибирскихъ инородцевъ,—началъ объяснять мнѣ Василій Петровичъ, остиаки сохраняютъ особенное благоговѣніе къ

дѣсу. Лѣсъ даетъ шку и мясо, и одежду, и все необходимое въ невѣдѣльномъ ихъ бытѣ. Вотъ они и берегутъ дѣсъ и только въ крайнихъ случаяхъ рубящиса рубить деревья. Большую частію они пользуются сухими валежникомъ, у нихъ есть священные заповѣдныя рощи, посвященныя какамъ-то ихъ божествамъ, куда никто доходить не можетъ для принесенія жертвы и молитвы. Тамъ же только изрѣщаются срубать какое-либо дерево, но даже стрѣлать дичь. Само-собой рѣшится, что шку православному достать въ такіе мѣста остаются не желательны. Я давно слышалъ, что такое мѣсто находится въ здѣшнемъ урманѣ, гдѣ-то неподалеку; оттого-то такіе экскурсіи не слишкомъ нравились острѣвкамъ, и если изъ нихъ нашется тебѣ проводникъ, то онъ пошелъ нарочно съ шку, чтобы отвести тебя отъ этого мѣста. Но его самого, какъ видно, нѣмало съ толку эта бѣда, и вы съ шку очутились на посвященномъ мѣстѣ. Впрочемъ, какому богу ихнему это мѣсто посвящено,—мы сейчасъ же узнаемъ.

Тутъ Василій Петровичъ обратился къ своему приказчику, вившему чай.

— Иванъ Павловичъ!—сказалъ онъ ему. Когда напьетесь чаю, пойдите съ поваромъ ко мнѣ Юрку дѣлать.

— Поить Юрку шампанъ, хотите сказать?—возразилъ приказчикъ.

— Ну, Юрку шампанъ, или Юрку дѣлать, вѣдь это все одно и то же.

— Хорошо,—сказалъ приказчикъ.

— Какъ же можетъ быть тожество между дѣлатькомъ и шампаномъ?—выкрикнулъ я.

— Поживице по-чому,—вѣдѣчалъ Василій Петровичъ.

Этотъ Юрокъ и шампанъ и вѣдѣчалъ съ этимъ дѣлатькомъ, онъ панъ при одномъ случаѣ именованъ или выдуманъ почитается, а при другомъ случаѣ—позаманитъ. Шиторскій дѣлать, скажу тебѣ, субъектъ. Хочешь узнать его исторію?

— Какъ по хотѣть. Разскажи.

— Такъ слушай же. Лѣтъ 15 тому назадъ, у родственника моей жены, священника одного села въ Вирезовскомъ округѣ, жилъ оставшійся-сирота, мальчишкѣ лѣтъ 14 или 16, чрезвычайно повѣдли-

вый. Звали его Юрко. Представь себѣ: ему утромъ показани азбуку, а онъ къ вечеру выучилъ ее уже всю. Дней черезъ пять сталъ самъ читать книгу прямо безъ складовъ. Однимъ словомъ, все что ни показывали ему, онъ усваивалъ сразу, панъ очень его полюбилъ и представлялъ его пріѣзжающимъ и знакомымъ, какъ нѣкій феноменъ. Память у него была необычайная. Вѣсь полатырѣ и вѣсь завѣтъ онъ выучилъ наизусть отъ доски до доски. Панъ намѣревался изъ него сдѣлать миссионера. О способностяхъ его докладывалъ даже архіерею. Но какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ я пріѣхалъ къ попу и, не видя его любимца и protegé спросилъ: не отправился ли уже Юрко съ проповѣдью къ своимъ идолопоклонникамъ-землянамъ? Панъ презрительно махнулъ рукою.—Что же случилось съ Юркой? спросилъ я. Не синелъ ли онъ?—«Ты рашѣ по слышалъ, какой скандалъ устроилъ мой перекладеванный Юрко?»—спросилъ меня самого панъ.—«Не слышалъ!»—говорю я.—«Вообрази себѣ—пачалъ панъ—дѣломъ изъ іюня прѣшлаго года, ночью, я не могъ какъ-то уснуть. Я всегда передъ какой-нибудь неожиданностью или неприятностью ляпалъ спа. Вотъ я всталъ на постелю, переворачивался съ боку на бокъ. Вдругъ слышу какіе-то странные звуки, похожіе на звуки шаманскаго бубна. Прислушиваюсь—дѣйствительно бубенъ и гдѣ-то тутъ недалеко, словно въ моей усадьбѣ. Что за овалъ?—думаю я себѣ. Любопытство пачало меня все больше и больше поднимать. Встать я, видѣлъ пмы, подрясникъ, теплый мазакай, взялъ съ собой свой посошокъ (а посошокъ у этого почтеннаго моего родственника—съ добрую дубинку) и вышелъ на крыльцо. Звукъ исвуетъ прямо съ огорода—а огородъ у меня, ты его знаешь, большой. Я въ немъ паслѣвалъ и малину, и калину, и рябину, и смородину (огородныя овоци у насъ плохо родятся).—настоящій вышелъ садъ. Какой же это шельмедъ шаманъ забрался ко мнѣ въ огородъ и буйнить? думаю я себѣ,—непрѣменно шаманитъ какой-нибудь православныкъ. Заданъ же я ему трезвону!—Вотъ я сунулся въ огородъ черезъ заднее крыльцо и сталъ потихоньку подкрадываться къ тому мѣсту, откуда раздавался звукъ. Ночь была свѣтлая, лунная. Подкрадываясь, гляжу и глазамъ своимъ не вѣрю. Юрко, будущій проповѣдникъ евангельской истины—сидитъ подъ кустомъ калины, дер-

жить шамовский бубонъ въ дѣтствѣ, то забудутъ, то что-то заброчуютъ, то приложитъ ухо къ бубну. А тутъ, впротвѣнь его, размѣтала свои жирныя члены женой церковной старосты, Азудотъ Ефимовна, жепщина благодѣтельная, богобоязненная, какой я ее доселѣ не зналъ, и садясь Юркѣ спроси о дѣлахъ-то твоихъ, разнившихся у женой знахалкахъ. Юрко те забудутъ, те что-то заброчуютъ, те приложитъ ухо къ бубну, но что-то ей изъ знахалки объяснятъ. Однимъ словомъ, обманываютъ съ настоящими людьми, какъ углы иванитъ, жрутъ и похлываю. Не могъ я сдержитъ себя, бросился къ Юркѣ съ своимъ знакомымъ и дажей обѣщавать имъ его дѣлательный бубонъ. Изрядно достался и самому шаману и старостихѣ во онъ чистымъ лишилися. Впрочемъ, она успѣла чрезвычайно скоро, подобравъ цыганъ, перемахнула черезъ заплотъ, словно оляка. Я долго гонялся еще въ Юркѣ по саду-огорожу, пока онъ не скрылся. Съ тѣхъ поръ онъ и глать ко мнѣ не можетъ. Гасводи! вотъ какъ можно ошибиться въ чужой! Послеъ его побѣга оказалось, что онъ давно занимался шаманствомъ. Бубонъ свой онъ припрятывалъ на вышкѣ въ зимовьяхъ. Къ нему приходили многие изъ моихъ прихожанъ, и онъ глать имъ какъ-то довольно удачно. Такимъ образомъ онъ пиначилъ подъ самымъ носомъ поселямъ, а я, дуракъ, ничего не зная, и никто меня объ этомъ не извѣстивъ. Хороши значить прихожане. Могъ ли я когда-либо подумать, что этотъ Юрко, котораго я любилъ какъ сына, который представлялъ пресвятоцарскому, какъ будущій столбъ правды и истины среди идооложниковъ — сыграть надо мною такую штуку. Хорошо, что вслѣдъ за этимъ скандаломъ наступилъ новый просвѣщенный, который ничего не зная объ Юркѣ. Остался бы прежній — такъ мнѣ пришлось бы порядочно познать поглядимъ. А какимъ смиреннымъ телепокомъ представляли этотъ подвѣщивъ: «За тѣмъ же ты, огни, ругнешь обидно Юрку? сказала я пошу, едва сдерживая хохотъ. Наша русская пошловина тѣмъ дитя, что смиренный телепокъ даѣ мажки советъ. Вотъ и твоѣ смиренникъ Юрко даѣ мажки песенять — днемъ на киростъ пѣтъ аквостинъ, а ночью подѣ ракичовымъ или калиповымъ кустомъ бубнилъ чертвиципу. Такая двойственность видно въ порядкѣ вещей у русскихъ людей, когда вошла въ пошловину. — «Я бы тебѣ показалъ

«впередъ вышкѣ», если бы со мной была мой пастырь — воцарилъ окрѣпавшися на мою шучу оны. Вотъ тебѣ исторія Юрка. Послеъ побѣга отъ жена она начала заниматься по издѣланнымъ ортамъ и шиламъ. Тамъ три года стага дѣлалась въ той «шучѣ». Я же въ работѣ по требованью и заручки ому мнѣ не чѣмъ при снотраствѣ. Писаломъ чистый малый, жала мнѣ его отъ дѣтокъ, да ничѣмъ не подѣлаломъ. Вотъ она и пошла, да три тому ишлозъ, являлся ко мнѣ голышанъ и обривавшый и въ «шучѣ» до меня. Цѣ промывкомъ, обманомъ, старость читать различныя овангелы, а по истакъ будетъ кому-нибудь поманеть. Шучу оны знаютъ его дѣлательнъ, а другіе шаманитъ. Цѣ чрезвычайно развитой и такой краснорѣч, что люб-дѣрота его послушать, глать — словно по книгѣ читатъ. Стоитъ тебѣ съ нимъ познакомиться.

Жена Василій Петровичъ вончалъ послѣдствѣмъ фразу, какъ въ дѣрлѣхъ показалась вывалъ-то личина.

— Вотъ тебѣ и Юркѣ прованитъ Василій Петровичъ видетомъ, обращаясь ко мнѣ.

Юрко въ молчаніи оставался у порога, въ ожиданіи, ивровство, какихъ-либо приваломъ отъ своего дѣлана, зачѣмъ-то посылавшаго за нимъ. Но Василій Петровичъ, какому-то не зашѣчал, видяши со стѣла, подолжилъ въ угловому столѣчку, гдѣ стояла табачница и уселся глать, и началъ вышкѣть себѣ папиросу.

— Вы вычѣмъ-то вывалъ жени Василій Петровичъ — отоманисъ Юрко какимъ-то туманъ, разлитымъ туманомъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, дружишъ! — отбѣчалъ Василій Петровичъ, но переставилъ вышкѣсь съ папиросты.

Я съ любопытствомъ началъ осматривать прещедаша. Онъ былъ одѣтъ въ кожаную куртку, извовую снотраствѣ рубашку на выпусѣ, острые триконые панталоны и сапоги съ длинными голенищами, достигавшими выше коѣтѣ. Такую куртку и сапоги послалъ и Василій Петровичъ, и сію приданникъ, а жала мнѣ. Это обыкновенныя принадлежноты восточна служачаго какъ на пріяснѣ, такъ я на пошкѣ. Но обично такую Юрко не отличался отъ прочихъ осялковъ: средняго роста, баберный съ узкими глазами, широкимъ носомъ, круглыми и плоскимъ злѣтитъ, которое повзалось мнѣ довольно старобровымъ, хотя, по рассказу Василія

Петровича, ему не могли быть больше 30 летъ. Между тѣмъ онъ смотрѣлъ 50-ти-лѣтнимъ старикомъ.

Наирасно и стараясь изъ лицъ его подмѣлывать какую-нибудь складку, свидѣтельствующую о необыкновенности его развитія, по ничтожному не находить. Это было лицо чисто табачное, скроенное по общему ослепкому типу. Разочарованный въ моемъ ожиданіи, и отворочившись и началъ закуривать сигару.

— Вотъ что Юрко, по словому крещенію Георгій Николаевичъ, началъ Василий Петровичъ! — ухватился на свой стулъ рядомъ со мною. — Говорь мой водитъ съ тобой познакомиться, и кое-о чемъ побесѣдовать.

— Очень дивно это для меня! — отозвался Юрко совершенно другимъ тономъ.

Это меня удивило. Я взглянулъ на Юрка и былъ болѣе удивленъ. Лицо этого отрока совершенно преобразилось. Узкое его лицо расширилось, широкій носъ значительно сузился и принялъ форму трещкаго. Старообразное выраженіе съ лица его совершенно исчезло, и Юрко предсталъ мнѣ молодымъ и довольно красивымъ человѣкомъ типа совершеннаго аристократа.

— Такъ вотъ что, дружище! — продолжалъ Василий Петровичъ, съ удивленіемъ любопытства всматриваясь то на Юрка, то на меня. Погружаясь думать въ каждую, какъ теперь Иванъ Павловичъ. Скажи мнѣ, чтобы онъ вылезъ изъ графинчикъ изъ маленькаго бокала въ серебряной вазочкѣ и причесъ сюда. Да и самъ приходи на вечеръ. Подвѣсь, ты не откажешься дернуть рюмочку одну — другую съ нами.

— И съ тобой и съ отпущенъ! — отозвался весело Юрко.

— Ну, и пошелъ!

Юрко пошелъ впередъ.

— Ты идѣй, какъ хочешь, а я буду играть игрою своей фантазіи! — прошепталъ меня Василий Петровичъ.

— Это замѣчательный манеръ! — отозвался я, — какъ ты еще не встрѣчалъ, хотя бы были бы ты, я думаю, видѣть много подобныхъ случаевъ.

— Онъ изъ своей рожи можетъ сдѣлать, что угодно! — продолжалъ Василий Петровичъ. — У него одѣкъ Волонина лица можетъ смѣяться, а другая плакать. Въ прошедшемъ году онъ устроилъ уморительный фокусъ. Пужило тебя знать еще, что Юрко, какъ всѣ остальныя, чрезвычайно похотливъ. Въ числѣ рабочихъ былъ у меня одинъ казакъ съ молоденькой и прехорошенькой женой. Юрко и вздумалъ за нее приволокнуться. Но красавица была ему недоступна, не потому, что она дорожила своимъ цѣлостнымъ цѣмъ, а потому что у нея имѣлся любовникъ и красавица и была Юрковой бывшей прикраски. — Во что-бы то ни стало, а будешь ты моей, хоть на одинъ часъ! — сказала ей Юрко. Она подошла къ нему поцеловать. — Вотъ тебѣ отъ меня что! — отбѣжала она. Что же Юрко сдѣлалъ? Онъ выскочилъ мѣсто, гдѣ любовники сидѣлись, и лился ранѣе на сидниѣ тѣмъ приващикъ. Онъ такъ искусно себя загримировалъ и такъ ловко водетривалъ свою рожу, что бѣдная бабенка несколько не замѣтила, что про что! — Торжествующій Юрко хотѣлъ уже распрощаться съ нею, но вдругъ заглянулъ въ столѣцкій прикраски. — Вотъ ты ему сударыня приващикъ теперь тотъ кукишъ, который мнѣ принадлежалъ, а я самъ стою сдержалъ, — сказалъ Юрко изумленной красавицѣ — принимая свою настоящую физию. Поцеловалъ и удралъ.

— Чѣмъ же кончился эта исторія?

— Сначала прикраски побѣдилъ любовницу, потомъ побѣдилъ ее мужъ, узнавши объ ея шалостяхъ, и тотчасъ же вернулся на другіе «песни».

— А Юркъ ничего не доставилъ?

— Его считаютъ за бездѣла, а съ колунами тѣмъ вѣздъ. Всѣ его боятся, особенно бабенки, а это ему на руку Кукишъ ему ни одна не рѣшится принадлежать.

Разговоръ нашъ былъ прерванъ появленіемъ Юрковъ и Иванъ Павловичъ съ графинчикомъ серебряной вазочкой и рюмкой. Юрковъ доложилъ и отличилъ закусокъ изъ жареной свѣжей рыбы.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Х. Шидоръ

ОСТЯЦКІЯ СКАЗКИ

или
ВЕЧЕРА НАДЪ ОБЬЮ.

(Продолженіе.)

— Я слышала, вы сегодня въ урманѣ попали на заповѣдное остяцкое мѣсто?—обратился ко мнѣ Юрко, поспѣ трезъ рюмокъ настойки, вылитыхъ каждымъ явъ насъ въ промежуткахъ большаго чаіа дѣловой бѣды, которую велъ Василій Петровичъ со своимъ приказчикомъ насчетъ застрахованія лова.

Я разсказала Юркѣ вхожденію съ бѣлкой и спросила его—вспомнитъ ли онъ это заповѣдное мѣсто и названіе божества, которому оно посвящено.

— Самъ я тамъ не бывала,—отвѣчала Юрко,—но тѣмъ мѣста обыкновенно посвящаются божку, называемому «Уп-тонгъ», т. е. владыкѣ или хогину лѣса, по-русски лѣшему.—Божокъ этотъ дѣлаетъ я добро, я зло, какъ ему взбрѣдетъ въ башку. На то онъ и божокъ. Онъ «Уп-тонгъ» здѣшняго урманна существуетъ интересная легенда. Когда-нибудь я вамъ ее разскажу.

— Отчего же не теперь?—спросила я.

— Вы теперь можете быть спать хотите.

— Нисколько, а что-либо интересное я всегда готова слушать хоть всю ночь.

— Такъ что же, Юрко, владыкѣ!—отозвался Василій Петровичъ. И мы тогда въ Ныпомѣ Наклоничемъ послушаемъ.

— Итъ, меня увольте,—возразилъ приказчикъ. Мнѣ нужно пораньше лечь спать, да пораньше встать. Мнѣ не до сказокъ. Покойной ночи, господа!

Онъ ушелъ. Я подаю Юркѣ сигару, закурила смять такую же, и онъ началъ свой разсказъ. Я записала его въ своей памятной книжкѣ водъ слѣдующимъ заглавіемъ:

— «Лѣтъ 30 тому назадъ, утонулъ въ Оби одинъ бѣдный остякъ, прожизнившій въ этихъ мѣстахъ. Прозвонило это по время когда часть берега отвалилась и на рѣкѣ поднялась страшнѣйшая волна. Остякъ плылъ въ хайшобѣ^{*)}, но если бы онъ плылъ и на парозѣхъ, то ему не миновать было бы гибели^{**}). Осталось у него идола и плтачѣтній снѣншика. Однажды она отпривилась въ урманѣ ва ягодами съ лукошкой. Съ нею была и ея снѣншика. Она почаянно пошла на мѣсто Уп-тонга и вовсе не знала о немъ. Увидѣла она амбарушку, лѣсошку, ей и захотѣлось посмотреть, что тамъ въ амбарушкѣ. Подвинулась она по лѣсошкѣ, оставивъ снѣншику вину, притворила двери, и глазамъ ея представилась куча серебряныхъ и золотыхъ монетъ и безчисленное множество палепохель-харамовъ^{***}) и сорно-луйтовъ^{****}). Разгорѣлась у бѣдной бобенки глаза, особенно на послѣдній штучки. А такъ какъ кругомъ въ этомъ мѣстѣ незамѣтно было живой души, то она и начала пагребать то, другое, третье и четвертое, пагребла всего этого полное лукошко и спустилась внизъ по лѣсошкѣ. Она думала прийти туда еще другой разъ и взять съ собой большаго папеширъ^{*****}) вмѣсто лукошка. Но едва только она спустилась на землю, гдѣ ожидать ее снѣншика, какъ изъ большаго кодра, что растетъ тамъ среди полоники, образовалось страшнѣйшее чудовище. На головѣ этого чудовища было сто роговъ, а рукъ у него выросла дѣлая тысяча. Оно наклонило свои рога, словно сбродилось бодать остячку, замахало и нахлопало руками и заговорило громовымъ человѣческимъ голосомъ: «Негодная! какъ ты смѣла брать мое добро безъ моего вѣдома и спроси? Брось сейчасъ все взятое и убирайся, пока ты цѣла и жива». Пѣдная остячка

*) Остяцкая лодка.

**) Несчастно отъ такого обвала произошло даже съ парозѣхотъ.

***) Серги.

****) Браслета, кольца и другія женскія украшенія.

*****) Мѣшокъ, выдѣланный изъ налимьей кожи.

перепугалась на смерть, выспинила тут же на полянку все, что нагрела из дубовки, и побѣжала безъ оглядки. Страхъ не оставилъ ее и преслѣдовалъ по пятамъ, пока она не выбѣжала изъ урмана. Тутъ только она пришла въ себя. Оглянулась и слышитъ отчаянный голосомъ. Около нея не оказалось ея сыпешки. Въ страхѣ она о пемъ позабыла. Постояла она, подумала немного и направилась обратно въ урманъ. Теперь она уже ничего не боялась и готова была со всякимъ чудовищемъ даранаться до смерти за свое дѣтище. Известное дѣло — мать, а наши остячки въ материнской привязанности превосходятъ всѣхъ другихъ женщинъ. Прибѣжала она на полянку, бросилась къ амбарушкѣ, думал, не залѣзъ ли туда ея сынишка, — пусто, ничего нѣтъ, даже исчезли всѣ сокровища, которыхъ она тамъ видѣла. Стала она бѣгать вокругъ, звать и искать сыпешку, все напрасно. Такимъ образомъ она прозвала и пронцаала его до ночи. На другой день съ зарей она опять отираивалась въ урманъ и къ вечеру опять позвратилась одна. Съ тѣхъ поръ она каждый день, все дѣло, до глубокой осени, обивалась горючими слезами, уходила въ урманъ на розыски парнишки. Ничего она никому не говорила, и всѣ думали, не видя ея ребенка, что онъ вѣроятно или утонулъ въ Оби, или заблудился и погибъ въ урманѣ, а она съ горести съ ума сошла. Слѣдующей весной она опять начала бродить по урману, но все напрасно. Ровно черезъ годъ она пришла на то мѣсто, на которомъ остался ея парнишка и заглянула въ амбарушку. И что же увидѣла! Парнишка ея живъ и здоровъ, сидитъ тамъ себѣ среди кучъ серебряныхъ и золотыхъ монетъ, наденохель-харамовъ и сорве-луйтоновъ и играетъ ими. Увидѣвши мать, онъ бросился къ ней. Обезумѣвшая пришла въ умъ отъ радости, схватила на руки парнишку, прижала его къ груди, бросилась съ нимъ прямо съ амбарушки, наземь, чуть погь не сломала, и давалъ бѣжати, и давалъ бѣжати. Но сколько она не бѣжала, а все возвращалась къ амбарушкѣ. Сначала она не обращала на это вниманія, но, наконецъ, опомнилась. — «Что же это за диво творится надо мною? — подумала она. — Вѣдь я, пожалуй, откаж и не выйду вѣкъ изъ урмана, все буду кружати и возвращаться къ этой проклятой амбарушкѣ. Теперь слышела со мной; а шикого не боюсь.» Вотъ она полезла опять

въ амбарушку, и опять изъза ея разбѣжалась на кучи монетъ и женскихъ украшеній. — «Будь, что будет!» — подумала она. — Эти слышныя игрушечки словно сами напрашиваются, чтобы в мѣхъ зашла. Попробую взять. Мнѣ теперь болѣе нечего, сынишка со мной, и я его во спущу съ рукъ.» Вотъ она постояла еще немного, еще подумала, да и давалъ набирати въ лукошко, съ которымъ постоянно ходила, сколько изѣло въ него золотыхъ и серебряныхъ монетъ, наденохель-харамовъ и сорве-луйтоновъ. Затѣмъ медленно спускалась по лѣсенкѣ, придерживая покрывало съпешку на рукахъ. Остановилась, поглядывая на кодръ, по заговорить ли онъ попрежнему, не заругается ли? Но изъ кодра раздался тихій голосъ: «Ступай съ миромъ, любящая мать, и унеси съ собой все, что успѣла набрати. Сокровища эти ты вынула дѣломъ годомъ слезъ и страданій. Ступай съ миромъ!» Остячка благополучно позвратилась въ свой чумъ съ терившимся сыпешкой и неожиданнымъ богатствомъ. Она скорѣ вышла замужъ и зажила въ мирное свое удовольствіе. Сыпешка ея рассказывала, что когда онъ остался около амбарушки безъ матери, то она узнала въ амбарушку какой-то старикъ; тамъ были такіа же маленькія дѣти, какъ и онъ. Кормилъ его ягодами, медомъ и саравой, а когда онъ плакалъ и тосковалъ объ матери, то его утѣшали удѣрками, что мать скоро придетъ. Вотъ какую штуку сдѣлала «Уп гонгъ» вѣшного урмана. Остячка и слытъ ея жила до сихъ поръ и можетъ вамъ рассказать о себѣ то, что я я рассказывалъ о ней.»

— У насъ, въ Сибири, отъзнался послѣ нѣкотораго молчанія Василій Петровичъ, сильно расстроившею это повѣрье о цѣлостѣ лѣшнихъ потерявшихъ въ тайгѣ дѣтей. Случаи этихъ терпящихся дѣтей довольно часты, особенно въ деревняхъ тѣсныхъ. Въ Томской губерніи я слышалъ нѣчто подобное этой сказкѣ и болѣе основанное на дѣйствительности, чѣмъ на фантазіи.

— Неужто ты вѣриши, что потерянный ребенокъ можетъ пріютиться у какого то лѣшника? — спросилъ я.

— Вотъ увидиши, какъ я вѣрю, — отвѣтился В. П. и продолжалъ: Въ одной деревнѣ Маринскій округъ, близъ тайги, у вдовы, по имени Дарин, отчество и фамилію ея я забылъ, хотя и зналъ эту вдову, — очель недурненькая была собою бабенка, — потеряла

пятилѣтній сынчикъ, Коля, т. е. Николай. Стучалось это по время страды. Я проѣхала тогда черезъ эту деревню, и при мнѣ происходились разсказъ потеряннаго мальчика. Овдодеропенды хоты и сдѣлали облаву, но сдѣлали ее поспѣшно, икъ было не до того, икъдо было хлѣбъ убирать, и розмеси не привнесли никакого результата. Бѣдная женщина тоже, какъ и остячка, чуя, не рождалась и сама едва не завропастилась въ тайгѣ. Сынчикъ былъ одинъ, и она въ воню думи по чала. Ни зарѣ ей кажидъ день чудилось, что ее знаетъ ея сынчикъ, и она стремилась бѣжала въ чащу на его голосъ. Нѣкоторыя женщины уверяли, что онѣ живо слышали будто дѣтскій плачь и крики: «мама! мама!» Дѣйствительно, въ такую погоду, на зарѣ, въ тайгѣ часто слышится равнообразные крики, въ которыхъ иногда можно слыть сходство съ чѣмъ угодно. Это крики или просиющихъ птицъ, или жалобно стоны какихъ-нибудь мелкихъ звѣрей, попавшихъ въ когти своихъ крупныхъ враговъ. Прошло три года. Бѣдная мать поупалась къ своему горѣ, вышла замужъ и завела себѣ новаго сынчика. Вдругъ, вблизи той деревни, лѣтомъ, въ тайгѣ какіе-то охотники нашли мальчика лѣтъ восьми. На немъ были чистенькая рубашка, штаны, пилсовая курточка, утки и соболя шапочка. Его признали за исчезнувшяго, такъ какъ онъ помнилъ, что мать его звали Дарей, а его Колей и икътъ черное пятнышко на щекѣ около правого глаза*), какое было и у потеряннаго. Мальчикъ икъсколько не одичалъ. Оказалось, что онъ даже знаетъ молитвы, которыхъ ричишо, у матери, не знаетъ. Но его разсказывъ, онъ жилъ около озера, въ какой-то избушкѣ, у сѣдова хѣдушки, который кормилъ его сѣхриями, рыбой, ягодами и медомъ. Суевѣрные сибиряки не сомнѣвались, что онъ жилъ у дѣшаго. И и върѣ, что это былъ лѣшій, только икъ породе тѣхъ лѣшнихъ, которыхъ называютъ «обитунцами» (оселал сока). Икъ живо по томъскимъ тайгамъ. Онъ заводилъ тамъ даже людные скиты. Мальчикъ по-просту жилъ у сѣдова икъ пучилинниковъ этой секты, которому върѣливо страдно было имѣть при себѣ живое человѣческое существо. Затѣмъ, когда этому отшельнику пришлось уходить въ другія мѣста, болѣе скри-

тыл, мальчикъ могъ его затруднять, и онъ подвольт его поближе къ жилымъ мѣстамъ, въ надеждѣ, что его подберутъ, а самъ удрать. — Вотъ икъ тоже «Уп-тонгъ», только не измышленный, а дѣйствительный. Пойдемъ-ка, парень, лучше слыть!

— Спокойной ночи, господа, — проиавесь Юрко. — Пора дѣйствительно соснуть. Заря ужъ занимается.

— А икъ легенда Юрки довольно поэтическая, — слышеть въ Василію Петровичу, по уходѣ Юрки.

— То ли ты еще услышишь отъ него, коли съ икъмъ разговоришься. — пробупчалъ Василій Петровичъ, пошатываясь и позывивая. — Ты попроси его разсказать о томъ, какъ остячкѣ богъ пытался отучить остякомъ отъ водки. Превзбавная исторія!

— Что же, отучилъ?

— Чортъ икъ отучилъ, какъ и икъныхъ православныхъ...

(Продолженіе будетъ.)

А. Нидро.

ГВРРДР.

(Съ французскаго.)

Никто не станетъ отрицать неотразимаго вліянія друга изъ друга при первой встрѣчѣ. Лэкой, душа которыхъ способна поддаваться подобнымъ вліяніямъ, людей сильно впечатлительныхъ.

Такое вліяніе объясняется или исконнымъ уртыжесемъ или, наоборотъ, такимъ же отращеніемъ. Эти чувства называются икъиновенно *симпатіей* или *антипатіей*. Пельял, однако, не знаетъ на то, что такіа проявленія, смотри по личности, чрезвычайно разнообразны по силѣ и степени напряженія. Нѣкоторыя возбужденныя характеры способны — что встрѣчается часто, — съ большою икъкостью открывать чути не въ каждомъ чловѣкѣ привлекающія качества, которыми влекутъ икъ къ встрѣтившимся икъ случаемъ пошаккомпанъ; наоборотъ, другіе вичастные инстинкты, которые слыдають назвать икъдобродетельными, какъ онъ считаетъ икъ

*) Пельясть J. Letourneur, изъ журн. „La Science Illustrée“ въ икъст. годъ.

ОСТЯЦКІЯ СКАЗКИ

или
ВЕЧЕРА НАДЪ ОБЬЮ.

(Продолженіе.)

На слѣдующій вечеръ Юрко, за часомъ и зѣвробойной па-
стѣвочкой, разсказалъ упомянутую Василіемъ Петровичемъ легенду,
которую и постараюсь передать по возможности собственными его
словами, какъ передать легенду объ «Уи-тонгѣ.»

Сказаніе о томъ, какъ остяцкія божокъ Мастерко

пытался отвратить осляковъ отъ губительнаго пьянства къ русскому вину.

Однажды остяцкія божъ Оортъ^{*)}, съ прискорбіемъ видя, какъ
русскіе обираютъ остяковъ, поднавивъ ихъ своимъ выпомъ, и какъ
остяки отъ немѣрнаго пьянства приходятъ въ бѣдность и гиб-
нутъ отъ голода и болѣзней, какъ мухи, призвалъ къ себѣ своего
подручника Мастерко и говоритъ ему:

— Послушай, любезный и вѣрный подручникъ мой, Мастерко.
Шибко мнѣ жалко моихъ бѣдныхъ остяковъ. Вѣдь они отъ этого
русскаго вина скоро совсемъ переведутся, и пацъ, богамъ, некому
будеть возити и жертвы приносить. Хотѣлось бы мнѣ отучить
ихъ отъ пьянства. Не придумаешь ли ты какого-либо средствъ?

— Не знаю,—отвѣчалъ Мастерко,—можно ли отвратить осля-
ка отъ русскаго вина. Ужъ шибко пріятнымъ оно ему кажется.
Сами русскіе тоже давно уже стараются отучить свой народъ отъ
него и замѣнить его какой-то китайской травой, да ничего не

могутъ подѣлать. Я и самъ однажды хлебнулъ его нарядно.

— И что же?—спросилъ съ любопытствомъ божъ Оортъ.

— Оно мнѣ показалось сначала сладко морошки и меду пче-
лянаго,—отвѣчалъ Мастерко.—Но потомъ со мною сотворилось нѣ-
что такое скверное, что и сказать даже стыдно.

— Говори, что съ тобой сотворилось. Мы съ тобой свои бо-
ги!—началъ доиспрашивать Мастерка божъ Оортъ.

— Я вѣдь,—говорить Мастерко,—какъ бы ни было, какъ
бы себѣ тамъ русскіе поны ни толковали о пастѣ,—тоже божъ,
твой главный помощникъ, не другимъ молкимъ богамъ чета. Мо-
жешь ли представить себѣ, пивдыко, послѣ того, какъ я изрядно
хлебнулъ русскаго вина, я преобразился въ свинью, въ пастонцую
свинью,—самое поганое на свѣтѣ животное.

— Тыфу, какая мерзость!—воскликнулъ божъ Оортъ и началъ
отплевываться. Отплевываясь и говоритъ:

— Все-таки, любезный Мастерко, подумай хорошенько, поря-
скинь своимъ умомъ-разумомъ. Не додумаешься ли до чего тако-
го, что могло бы бѣдныхъ нашихъ остяковъ отучить отъ пьянства.

— Подумать-то я подумаю,—отвѣчалъ Мастерко, вѣско
почесавъ у себя за ухомъ,—только не могу напередъ поручиться.

И Мастерко долго потомъ въ башкѣ своей перебиралъ раз-
личныя средствъ, чтобы отучить остяковъ отъ русскаго вина. На-
конецъ, оставившись на одномъ, которое ему показалось самымъ
подходящимъ. И онъ рѣшился его испытать.

— Ужъ если это не пособить,—сказалъ онъ самому себѣ,
хлопнувъ себя по лбу,—такъ ничто больше осляка не пройметъ.

Съ этими словами онъ спустился на землю. Тутъ онъ вря-
паялъ на себя видъ русскаго вурчана и, съ трескомъ русскаго ви-
на подъ мышкою и рюмкою въ карманѣ, лился въ чѣмъ осляка,
по имени Оюма. Онъ зналъ, что этотъ Оюмъ женился недавно на
хорошенькой дѣвицѣ и любитъ жену божъ ума. Знали же Хиганъ.
Поздоровавшись, онъ разболелся, подѣлалъ къ очку, закурилъ
трубку и началъ, по остяцкому обмывованію, разсиранивать о вѣ-
роульи хозиевъ, о промыслѣ, о благополучіи стадъ и вѣтлѣ, да
скрѣпленія вѣрнаго знакомства, поднести Оюму рюмочку вина. Оюмъ
жилъ не бѣдно. У него всего было вѣдѣть, только не былъ рус-

^{*)} Оортъ, отъ же Юрси-Торумъ, — въ остяцкой мѣстности — алдыка боговъ.
У него бѣлѣтый вѣст. в ту руку жезлъ. Рѣдъ онъ пребываетъ — нечѣстно. Съ
нимъ сообщаются илишь шаманы черезъ своего шайтана (духа). Мастерко —
его помощникъ, въ родѣ греческаго Меркуріа.

вино. Оно у остяков не застаивается. Потому этот купчина, сарбъ Мастерко, спросил у Огома позволения угостить виномъ и Хаганъ Огомъ не противился, но Хаганъ долго не соглашался выпить. Наконецъ, уступила просьбамъ купчины и напояли ихъ, мужъ, — выпилъ. Выпили по одной и разошлись. Затѣмъ выпили по другой и еще лучше разошлись. Отому шибко захотѣлось выпить еще по третьей, но купчина собрался уходить. Огомъ, вида, что у него изъ туесъ много вина, вздумать было вымѣнить его шачал на деньги облоки, потому — на лисичку-сводоушку, пахощецъ — изъ себя. Но купчина не сдвинулся.

— Бери, что хочешь, съ меня, — закричалъ отчаянно Огомъ, — только дай вина. Смерть, хочется еще выпить!

— Мнѣ ничего не надо, отвѣчалъ купчина. — Но я бы дать тебе выпить, сколько въ утробу твою влезетъ, если бы ты уступилъ мнѣ свою красавицу жену.

— Да, у тебя, другъ, и вижу, губа не дура, а глаза заблудивши. Ишь куда метнула! Ишь, другъ, но дудай! Ни за какие коринки я тебѣ своей жены не уступлю. У остяковъ это не въ обычаѣ. Ступай къ русскимъ. Тамъ на это прего.

— Ну, какъ себѣ знаешь! — говоритъ купчина.

Тутъ онъ облокнелся, подхватилъ туесъ подъ мышку и направился къ двери.

— Постой, другъ, не торопись, посиди еще маленько, — говоритъ ему Огомъ, — схвативъ его за полу. Куда торопился?

— Ну, давай, — отвѣчаетъ купчина и снова разболелся и подселъ къ Отому. — Я вижу, ты славный парень. Нечего дѣлать, поговорю тебѣ еще одной рожочкой вина, но больше не проси. Не давай же тебѣ еще одной рожочкой вина, но больше не проси. Не давай же тебѣ еще одной рожочкой вина, но больше не проси.

— Не буду, не буду больше просить, — отозвался обрадованный Огомъ. — Только чайничай, другъ, пожалуйста.

Купчина наклонилъ ему рожочку и закурилъ своею табачку. Закурилъ и Огомъ. Курить, помаленьку, а внутри у него загорѣлось, какъ будто огонь. Хочется ему еще и еще вина, да не знаетъ, какъ это выпросить у купчины. Долго крѣпился онъ, задыхался, кричалъ, рыдалъ, — наконецъ, не выдержавъ и шепчетъ купчинѣ:

— Тому, что ты пожелалъ, я не сопротивлюсь. Только ты отъ у моей жены добудешь на это доброты согласия. Оно ваше

дѣло. А мнѣ дай еще и еще рожочку вина!

— Давай, — говоритъ купчина и тайкомъ Отому далъ рожочку, одну за другой.

Огомъ слотворилъ ихъ и опять началъ пить. Тутъ онъ и спалился около окна, съ садомъ. Утромъ у него закрылись, какъ у лошади. Когда же онъ открылъ ихъ, то увидѣлъ, что купчина воиится съ его женою.

— Мужъ твой, — говоритъ ей купчина, — причесалъ тебе шибко вино. Ты теперь вид, не протискивай, женщина.

Блудная Хаганъ отбиралась отъ купчины, встала встала, испускала ему руки, исправляла лицо и начала звать мужа.

Жалко стало Отому своей жены, а больше того жалко было ему собито и стыдно. Попробовалъ онъ примириться на языкъ и кити на сестрой Хаганъ, но она не послушалась его, слово била чумилъ; затѣлъ онъ палочкой обругать купчину, но купчина него не выдерживалъ. Не хотѣлъ онъ ссориться на то, что далеко могло пройти между купчиной и его женою, и закрылъ глаза.

— Будь проклято отнынь и до вѣка рукою моею! — арборивоталъ онъ же-вакъ. — Бѣдѣ никакихъ въ ротъ мое не возьму! Затѣмъ онъ уснулъ иречевавши спомы.

Проснувшись утромъ, онъ увидѣлъ, что ему лежатъ на полу, у окна, а купчина въ постель, обнявши его жену.

Огомъ взошелъ на ноги, началъ искать топора, чтобы нарубить купчину. Но топора было только мѣхъ около амбарушки. Поискалъ онъ въ амбарушкѣ, захватилъ топора, но когда вошелъ въ чумъ, купчины уже — ты-ты. Не могъ, слово своимъ жемло провадился. Но постели оставалась одна Хаганъ, разставившись. Огомъ сгоряча хотѣлъ и ее зарубить, но вдругъ вспомнилъ, какъ она стобивалась отъ проклятого купчины, какъ она сама не могла себѣ, а разинте, какъ онъ самъ въ вѣки предлагалъ въ крѣпость, и ему сдѣлалось стыдно, и онъ бросилъ топоръ.

— Будь проклято отнынь и до вѣка рукою моею. Да ротъ его выжечь болото въ вѣки! — кричалъ онъ на весь чумъ.

Хаганъ вскакала, приподнявшись на постели и, увидѣвъ Огома, закрыла руками глаза.

— Хоронилъ же ты мужа, — сказала она вопитъ онъ слышавъ,

за вино провалит жону русскому купчину. Тебѣ пріятно было глядѣть, какъ онъ мучилъ меня, какъ онъ издѣвался надо мною! О, я несчастная! Завѣтъ родителю отдала жону за твою безвѣстнаго пьянчика! Ты отнимъ мнѣ не мужъ, и я тобою не жена.

И она разлилась рѣкою слезъ и потоками рыданій.

— Не плачь, не рыдай, моя дорогая жонюшка!—огомълся Огомъ, смизъ почти плача.—Это покаяніе больше не повторится. Я два забѣвляю на пять больше русскаго вина. Пускай итъ русскіе сами заживотся на смертъ. Не стану пить... то есть не стану напиваться пьянымъ, какъ я вчера выпился... Развѣ одну рюмочку нѣмнѣю когда-нибудь при случай, рюмочку самую маленькую, съ поготовкѣ, и то выветѣ съ тобою, моя вычигладная!

— Ну, смотри, чтобъ ты и было,—отомыдалъ Хаганъ,—слѣдѣя съ поговори и забывалъ.—А то я хотѣла утопиться.

— Бѣдѣтъ, бѣдѣтъ!—отомыдалъ Огомъ, обнимая Хаганъ.—Я своему слову твердый заживотъ.

— Говори: пока трезвъ. Не такъ ли, мой милый?—возразила Хаганъ.—А впрочеитъ, если тотъ подлець заруживъ когда-либо заливку въ нашъ чумъ, то виднѣя эту раскаленную кочерту, забытку вчера на очей! И этой кочергой глаза ему выжгу, чтобъ онъ не глядѣлъ на меня боже.

— А я ему невремѣнно топоромъ этимъ голову отрублю,—добавилъ Огомъ, указывая на топоръ, лежавшій въ углу.

Для черети три, а можетъ быть и черезъ четыре, Огомъ встрѣтился на берегу, неподалеку отъ своего чума, съ купчиною. У купчины опять тусозъ съ виномъ, а въ барманій рюмочка.

— Здравствуй, дорогой сватъ!—говорить ему купчина.—Какое поживаніе!

— Жину помплетому,—прѣбормоталъ Огомъ.

— А какъ поживаніе прожизна наша жонюшка?

— Ничего, живнѣя събѣ за-старому.

— И дадно. Значить, я могу поживаніе съ нею по-старому.

— И тебѣ поблазу,—думать събѣ Огомъ.—Отбѣдѣтъ твою съжизнѣя глѣна раскаленной кочерой моя Хаганъ, а твою белугваня бѣдѣтъ—ноги отрубитъ топора. Сувнѣя зымаю.

Пришла въ чумъ.

— Здорово, виномъ давшая мнѣ жонюшка!—збртылся купчина въ Хаганъ.—Гдѣ ли гдѣтъ?

Бѣдѣтъ Хаганъ, словно дикая коза, стрыканула въ уголъ чума, въ смизъ взелануть на этого мучителя, и о раскаленной кочергѣ, со страху, смизѣя помысла.

Огомъ началъ было искать глазами топоръ, но тутъ ему и глаза повалился тусозъ купчины съ виномъ; онъ не въ силѣхъ былъ оторвать отъ него своихъ глазъ и совершенно забыть о топорѣ. Не до него было ему теперь. Купчина прѣбормотавъ назвалъ на тусозъ рюмку вина, выпилъ самъ, затѣмъ назвалъ опять и предложилъ Огомъ выпить.

Взвалъ въ руки Огомъ рюмку съ виномъ, посмотрѣлъ сначала въ землю, словно устыдился, потомъ на купчину, словно хотѣлъ ему брызнуть этимъ виномъ въ рожу,—наконецъ, посмотрѣлъ въ уголъ, гдѣ стояла Хаганъ, словно исприваннѣя ей радѣшени. Бѣдѣтъ женщина начала дѣлать ому знакъ, чтобъ онъ не шлѣ и бросилъ рюмку осемъ. Но у Огома не достало на это духу. И стоялъ онъ, словно заколдованный, не виная, что дѣлать съ рюмкой.

— Цей сватъ!—говорить ему купчина.—Беннѣя меня изубѣтѣтъ, что-ли? Вина у меня цѣлый тусозъ, и я его не жалѣю для добрыхъ людей, а тебѣ и по-живну. Худая мысли бросѣ! Спорить съ нимъ не слѣдѣ. Пить будемъ и гулять будемъ, а какъ смертъ придетъ, умрѣтъ будемъ,—поить русскіе. Цей!

Не могъ далѣе сдерживать себя Огомъ и опорожнилъ рюмку.

Помыслѣло у Огома на душѣ. Худая мысли испили, а въ ихъ мѣсто повалилась мысль: какъ бы еще вынуть и другую рюмочку. Купчина, смекнулъ это и повалилъ Огомъ другую рюмочку.

Купчина назвалъ новую рюмку для Хаганъ, но та и рюмки и погамъ замотала, отдалываясь отъ вина.

— Пускай эта дурочка не шлѣтъ,—говорить Огомъ купчинѣ; я за нею выпью!

— Пить, пить!—говорить купчина. Какъ пить, такъ выпѣмъ, а то я сейчасъ уйду и повинаюте меня какъ звала, бѣдѣтъ никогда не заглану въ вашъ чумъ.

Огомъ пошелъ къ Хаганъ и началъ упрививать ее за шлѣвать отъ компаніи и выпить. Но та не соглашалась.

— Вспомни, что ты мнѣ говорилъ и въ чемъ ты мнѣ по-
вѣялся, — шептала она Огому.

— Ничего, душенька, вѣдь только одну рюмочку вмѣстѣ
выпьешь.

— Не хочу!

Тутъ онъ обратился къ купчихѣ и говоритъ:

— Жена хочетъ выпить со мною; согласенъ ли ты на это?

— Ладно, — говоритъ купчиха, — выпейте оба по рюмочкѣ.
Только она прежде, а ты послѣ.

— Огому начать тѣшить Хаганъ за рукавъ пазъ угла, но та
уверился. Онъ началъ ее опять упрямивать, но она его не слу-
шала. Тогда онъ пришелъ въ такую ярость, что началъ ее ци-
пать, а потомъ бить.

Видя женщина вырвалась отъ него, подошла къ купчихѣ,
не глядя на него, привела рюмку и выпила.

Огому подбѣжалъ вслѣдъ за нею и вынулъ свою долю.

Хаганъ привнесла на закуску виденнаго оденнаго мяса, па-
риваго круглыми кусочками, въ родѣ орѣховъ, и услалъ око-
ло очага ржать съ мужикомъ. Купчиха опять подаетъ рюмку вина
Огому, а за тѣмъ и Хаганъ. Та долго держала рюмку съ виномъ
въ рукахъ, наконецъ выпила.

Закусивши, купчиха поднялась и собралась уходить. Огому
началъ его упрямивать еще посидѣть и побесѣдовать.

— Не могу — говоритъ ему купчиха. — А вотъ развѣ, когда Ха-
ганъ меня спроситъ, тогда останусь еще съ вами. Видно, и гость
непріятный, коли хозяйка не приглашаетъ остаться.

— Проси его! — шепчетъ Огому жень.

— Побесѣдуйте еще съ нами, — отозвалась наконецъ Хаганъ,
чуть слышнымъ голосомъ.

Купчиха подошла къ ней и шопотомъ спросила:

— А црваться не будешь?

— Не буду, — прошептала Хаганъ, закрывая глаза руками.

— А ты сердитесь не будешь? обратился купчиха къ Огому.

— По что сердитесь, говоритъ Огому. Будемъ жить дружно.

Купчиха еще и еще подала вина и ему и Хаганъ. Огому,
какъ прежде, свалился около очага, а Хаганъ какъ-то вобра-

лась на паре, гдѣ была ее постель. Хаганъ, хотя попрежнему
отбывалась отъ назойливаго купчихи, по рукамъ ему ле кушла, ро-
жи не даровала и Огому на помощь къ себѣ не принимала.

Когда же утромъ Огому проснулся, то ему представилась
такая же картина, какъ и на утро послѣ перваго появленія
купчихи.

Какъ и тогда, онъ вскочилъ на ноги, бросился искать то-
поръ, который и теперь оказался гдѣ-то около амбарушки, какъ
и тогда, онъ по возвращеніи въ чумъ пометалъ уже купчихи,
бросилъ въ уголъ топоръ и провизгелъ на весь чумъ:

— Да будетъ проклято отъишѣ и до вѣла русское ядро. Въ
ротъ его божье никогда не возьму!

Хаганъ проснулась. Видно было, что она поворилась своей
судьбѣ, потому что въ единичъ словомъ не укорила вѣлицу мужа,
чѣмъ онъ остался весьма доволенъ.

Купчиха появлялся еще два или три въ его чумѣ, и
Огому хотя и злился и грозился противъ него, но это происхо-
дило только въ отсутствіи купчихи. Когда же купчиха появлялся,
то все это исчезало при видѣ твоей съ впомнѣ. Однако же Огому
длинно-ото-дня становился и молчаливѣе, и угрюмѣе. А Хаганъ ни-
чего: цѣла себѣ, какъ роза. Слово ее ничего не огорчало.

Однажды Огому, вышедши изъ амбарушки, откуда шелъ ка-
кую-то веревку въ рукахъ, увидѣлъ, что къ его чуму направляется
купчиха. — Огому живо представилось, какъ на глазахъ его, пьяна-
го, лежащаго недвижимо, словно связаннаго на вѣчнѣе олепъ,
купчиха этотъ надвѣвается надъ тѣломъ его красавицы жены, а
онъ не въ состояніи ничего ему сдѣлать и не можетъ даже ска-
зать купчихѣ: «Но смѣй ходить божье въ мой чумъ». Ему сдѣ-
лалось стыдно передъ самимъ собою.

— Что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать! — закричалъ бѣдный
Огому, чуть не плача. — А вотъ что я сдѣлаю! — сказалъ онъ самъ
себѣ такимъ рѣшительнымъ голосомъ, что самъ ему изумился. Съ
такими словами онъ подбѣжалъ къ амбарушкѣ, тамъ росла старая
береза, привѣшилъ въ самой верхней ея вѣтви конецъ веревки,
которая была у него въ рукахъ, на другомъ концѣ сдѣлалъ петлю,
быстро вскочилъ на другую вѣтвь выше, просунулъ голову въ

петлю, соскочилъ съ вѣтви, повисъ и такъ же быстро отпавился на тотъ свѣтъ.

Такой же, какъ падъ Огомомъ, опытъ производилъ Мастерко и падъ многими другими остяками, особенно падъ тѣми, у которыхъ были смазливя женушки. Но всѣ испытываемые остяки давились, а по отставали отъ русскаго вина. Мастеркѣ шибко поправился придуманный имъ опытъ, в оцъ до сихъ поръ не является съ докладомъ къ богу Оорту о неисправимости остяковъ. Боги тоже имѣють свои слабости, какъ и мы грѣшныя, такъ наприимѣръ: греки считались умнѣйшимъ въ свѣтѣ народомъ, а посмогрите—какія штуки выдѣлывалъ самъ владыка ихъ боговъ—Юинтеръ. Впрочемъ, нѣтъ худа безъ добра. Наши старухи увѣряють, что всѣ эти вдовушки, которыхъ мужей опытъ Мастерки отпавилъ на тотъ свѣтъ, забеременѣли отъ этого божка, и что отъ дѣтей, прижитыхъ имъ съ остяками, пойдетъ совершенно новое поколѣвіе остяковъ, которые въ рогъ вина не станутъ брать и будутъ жить, какъ жили встарину ихъ предки, пока не узнали русскаго вина.

— Дѣйствительно,—огозвался Василій Петровичъ, набивая себѣ чуть не сотую папироску.—Нужно вишательство чисто сверхестественной силы, чтобы уничтожить роковую страсть къ русскому вину у бѣдныхъ остяковъ, въ томъ числѣ и у нашего рассказчика.

— Воистину такъ!—произнесъ Юрко и въ подтвержденіе этого вылилъ въ рюмку остигокъ вибробойной настойки изъ графина, который каждый вечеръ приносился Павломъ Павловичемъ изъ кладовой, для поддержанія веселаго настроенія въ нашихъ вечерняхъ бесѣдахъ.

(Продолженіе будетъ.)

А. Ныдро.

НА ЗАРѢ.

Суровой отчизны—холодною края
 Люблю я свободную ширь.
 Взойди же скорѣе заря золотая,
 Проснися, родная Сибирь!
 Проснися! Три века проспавши смертно,
 Тебѣ уже время встать:
 И смѣло трудиться, работать несмывно.
 Чтѣбы плоды промышленности пожать.
 Пусть крѣпнута твоя еще юная сила,—
 Изъ лона труда впереди...
 Работай, народъ мой, во силѣ мощи
 И съ проясно мракъ не глди.
 Пускай отчизнѣ оны въ область преданій,
 Въ область легендъ, старини...
 Довольно и мрака, и сна, и страданій
 Для этой великой страны!

С. Ф. Голодниковъ.

ОСТЯЦКІЯ СКАЗКИ

или
ВЕЧЕРА НАДЪ БѢРЪ.

(Продолженіе.)

Вечеромъ слѣдующаго дня, когда мы съ Василіемъ Петровичемъ и Иваномъ Павловичемъ сошлись въ конторѣ, служившей намъ общей казеной для трапезы и чаеванія, и куда старикомъ Михенкомъ, находившимся вѣдательно при домѣ для послуги, при-

носились чуть не трехверный самоваръ, Василій Петровичъ посылалъ Михенку и Юрку жить въ баракѣ холостыхъ рабочихъ. У Ивана же Павловича было устроено помѣщеніе надъ амбарами, гдѣ хранилась мука, соль, солоппа, табакъ, а также различныя принасы для хозяйскаго стола¹⁾, въ томъ числѣ и вода.

Изъ ожиданій Юрка мысли мои певольно сосредоточились на Иванѣ Павловичѣ. Я знаю его дѣтъ 15. Мнѣ вспомнилось, какъ я встрѣтился съ нимъ впервые въ Забайкальи, въ одной изъ волостей Верхнеудинскаго округа, замкнутой исключительно старообрядцами еще со времяз царствования императрицы Екатерины II.

Если не ошибаюсь, старообрядцы эти—слишкомъ 200 семействъ—перевезены были въ Забайкалье изъ Европейской Россіи, изъ Бѣлуги чего сибиряки и прозвали ихъ *бѣлугами*. Народъ этотъ зажиточный, хлѣбосольный и по виду чрезвычайно пріятный. Желтлицы отличаются красотой, во той смѣшанной красотой сибирячекъ, а чисто русской—блѣтлымъ, длиннополосымъ, румянолицымъ, полпогрудымъ, отлично сложеннымъ, съ густыми и сочными волосомъ. О нравственности ихъ ходятъ разпорѣшныя слухи, но мнѣ не удалось провѣрить ихъ на дѣлѣ. Я прожить у семействъ недолго, и мнѣ приходилось только любоваться на ихъ красавицъ.

Знакомству моему съ Иваномъ Павловичемъ и обязанъ былъ слѣдующему обстоятельству: у матери хозяина дома, въ которомъ я нашелъ себѣ пристанище,—древней богомольной старухи,—изъ лица потерялся кошель, туго набитый старинными сибирянскими и золотыми монетами. Сильное подвѣрженіе упало на духъ, такъ богомольныхъ старухъ, ходившихъ часто къ матери хозяина и разсѣивавшихъ съ нею чашекъ съ медомъ. Но прямо обвинить ихъ было невозможно. Вотъ и вдумали прибѣгнуть къ ворожбѣ. И что же послужило орудіумомъ? Рѣшето, простое рѣшето, и поминки. Впрочемъ, этого рода гаданье извѣстно еще древнимъ. Оно сохранилось до настоящаго времени у многихъ европеецкихъ народовъ. У грековъ оно называлось *костомантія*, у итальянцевъ называется *ит*

¹⁾ Работы на совсѣлахъ обыкновенно вѣдатель хлѣбомъ и работъ. Въ которыхъ кованъ бываетъ даже вѣдатель и сочиняетъ.

Самъ же натъ, горькой пыцети поносить злости,
Весь скудеть, одна кожа, подъ кожей кости...

Вотъ что осталось отъ этого племени, которое было некогда непобедимымъ, какъ заключаетъ тотъ же Новицкій, принявъ во вниманіе остатки у него древняго вида оружія и проволочитыя склянки, которыя они вози съ собою Мансуровымъ, приводившимъ ихъ подъ высокую царскую руку...

Особымъ померомъ, несмотря на эпическую простоту и безвѣстичивость, отличался предлинный рассказъ Юрка о признаніи въ супружеской нечѣстности одной остички своему мужу, а также и мужа жёнъ при *первыхъ родахъ*.

Нужно знать, что у остички существуетъ обычай, по которому жёны, при первыхъ родахъ носѣвъ замужества, должна чистосердечно исповѣдаться предъ мужемъ въ супружеской нечѣстности, если вѣсть грѣхъ съ нею приключился, иначе роды будутъ ведаговолучны⁶⁾.

Въ рассказѣ Юрка жёны и мужъ, когда наступили у первой носѣвъ несчастливаго бездѣтнаго сожительства первые роды, чистосердечно разсказали одна другой длинную вереницу взаимныхъ супружескихъ нечѣстностей и такихъ хитрыхъ, часто дьявольскихъ уловокъ и обмановъ, что не мѣшало бы и нашимъ поставленнымъ отъ нихъ поучиться. Но какъ всѣмъ этимъ ни возмущался тотъ и другая, однако же подъ конецъ привырились и отвесили всѣ свои взаимныя и мольбыя прегрѣшенія къ дьявольскому павожденію—*куль-хунтысь*, а не къ сознательному дѣйствию—*люлюкурны-намыны-орасы* (худое чѣло умеетъ проплететь).

— Да и патъ съ тобою *люлю*, развѣ не *куль-хунтысь*? спросилъ жёну остичку. Я самъ не знаю, на что я тебя полюбилъ, за что предпочелъ тебя другимъ... Что-то мѣня слово тянуло въ тебѣ такъ, что оторваться я не могъ... Что же это такое можетъ быть, какъ не *куль-хунтысь*?

⁶⁾ Многіе утверждаютъ, что остички какъ при родахъ, такъ и носѣвъ родовъ почти не страдаютъ. Новицкій тоже говоритъ, что остички иногда рожаютъ на пути во время спящего холода; въ такомъ случаѣ оны обмываютъ ребенка сапогомъ и владутъ себѣ съ грудью за одеждою и далѣе продолжаютъ свой путь.

— И я тоже думаю. И сомню было тоже,—отвѣчала остичка мужу.

— Значить, нечего намъ сердиться другъ на друга, коли все это отъ насъ не зависѣло, и все это были штуки куля... Провѣзникъ же этотъ куль!

— И какой еще проказникъ!—воскликнула остичка.

Этимъ заключительнымъ восклицаніемъ остички заключилъ Юрко и свой смѣхотворный рассказъ.

— Вотъ и поди ты съ диваримъ!—отозвался Василій Петровичъ. Какъ они мѣтко опредѣлили то дивное чувство, которое зарождается часто стихійно, помимо нашей воли, и такимъ же образомъ исчезаетъ, которое ни возродитъ искусственно, ни удержать насильственно нельзя... А мы, цивилизованнѣе люди, не перестаёмъ вѣрять въ неизмѣнность любви! И сколько отъ этого происходитъ страданій, овалчивающихся или сумасшествіемъ, или убійствомъ лица, неизмѣнимаго намъ, или самоубійствомъ. Другой, по менѣе пагубный предразсудокъ состоитъ въ томъ, что будто можно любить горько только разъ въ жизни. Развѣ нельзя любить двухъ, трехъ или болѣе женщинъ за-разъ, наслаждаться обществомъ одной утромъ, сѣвшить къ другой вечеромъ, въ одинъ день предпочесть одну женщину другой, въ другой день другую, въ третій день третью, и при этомъ самымъ, если не выткнись, то искреннимъ образомъ любить болѣе другихъ ту, съ которою находишься въ данную минуту?... Тайная исторія человеческого сердца доказываетъ, что сердце это способно любить по одинъ разъ, а безчисленное множество разъ, и что чѣмъ болѣе оно любитъ, тѣмъ болѣе можетъ любить. Это коренное свойство человеческой природы вообще. Здоровая любовь въ соединеніи со здоровой чувственностью—это единственный и самый благоуханный цвѣтокъ жизни.

— А ты развѣ не знаешь,—прервалъ я Василія Петровича,—что цвѣтъ этотъ благоуханнѣйшій цвѣтокъ жизни, но мноюшю великаго русскаго крощидца, стараются превратить въ какой-то чертоволокъ и замѣнить его пѣвнымъ духовнымъ единеніемъ, а аскетическое, несойственное человеческой природѣ воздержаніе воз-

вести въ единственное средство искушения человечества.

— Какъ по звать!—отвѣчалъ Василій Петровичъ съ ѣдкой гримасой:—Тоже кое-чему учился⁷⁾ и кое-что почитываю. Пика-бому великому юриду, вѣроятно, въ голову не приходило, что если бы ему удалось превратить людей въ какихъ-то братцовъ и сестричекъ, то уничтожился бы и самый человеческій родъ... Къ счастью, человечество имѣетъ свою коллективную совѣсть, которая парализуетъ отъ всѣхъ этихъ ложныхъ учений. Мало ли ихъ было съ самаго почти ползснiя на землю чловѣка. Однако человечество все-таки живетъ, любитъ и мисжитъ и будетъ любить до тѣхъ поръ, пока живетъ... Не знаю какъ тебѣ, а мнѣ очень понравилась эта исповѣдь остиа и остиаки при первыхъ родахъ.

— Если бы на моемъ мѣстѣ,—сказала я,—пришлось очутиться какому-либо Воккачио, то онъ непремѣнно воспользовался бы рассказомъ нашего любезнаго Юрка для новаго Декамерона. Расскажи этотъ интереснѣе еще и тѣмъ, что онъ касался разнообразныхъ сторонъ быта остиаковъ.

— А вы что думаете, Иванъ Павловичъ, насчетъ того, что повѣдалъ намъ Юрко?—обратился Василій Петровичъ къ своему привѣзчику.

Почтенный Иванъ Павловичъ, въ продолженiе скабрознаго разсказа Юрка, нѣсколько разъ открещивался, поводя очи горь, приподнимался со стула и хватался за свой кошачий картузъ, повидимому съ цѣлью гдирать безъ оглядки, но все-таки достучалъ разсказъ до конца.

— Охъ, ужъ эти сказки Юрка!—произнесъ онъ съ тивазельтѣмъ вздохомъ. Паслушался я ихъ вдоволь и въ прошломъ году... Попадеть онъ съ этими сказками прямо во адъ кромешный, въ геенну огненную. Тамъ ему мѣсто давно уготовано... Добро бы еще въ крещеный билъ, а то свидѣнное писанiю до тонкости проповѣдалъ,—и поди ты съ звать!—Погибналъ душа, погибшилъ чловѣкъ!

— Что бы это говорить, только во вы, Иванъ Павловичъ,—возразилъ Василій Петровичъ.—Я вѣдь давно примѣчаю, что вы

не безъ прiятства засматриваетесь на ноги икры Дупьки-варявой, нашей прачки.

— Что же, по вашему я долженъ закрывать себѣ глаза, что ли? Небольшо соблазнился.

— Не закрывать глаза, а просто вырвать ихъ слѣдуетъ,—произнесъ Василій Петровичъ не то серьезно, не то шуточно.

— Какъ это вырвать?

— Очень просто. Вы, какъ чловѣкъ древняго благочестiя, должны строго придерживаться писанiя, на которое постоянно ссылаетесь. Неужели вы забыли, что въ писанiи сказано: если око твое соблазнитъ тебя, вырви его и брось отъ себя, ибо лучше, чтобы погибъ одинъ изъ членовъ, тѣмъ, чтобы все тѣло ввержено было въ геенну огненную, которой вы угрожаете блдному Юркѣ.

— Это пускай дѣлаетъ тотъ, у котораго семья итъ, а у меня семья и се кормить надоть, а для этого нужно имѣть глаза и смотрѣть въ оба... Вѣдь эти Дупька-варявай, чтобы ей пусто было, и васъ кажется очаманила своими бѣлыми, жирными икрами, Василій Петровичъ. Я вѣдь тоже прилтанъ, но мѣше вѣсь.

— Дѣйствительно у ней поехитительныя икры,—проговорилъ Василій Петровичъ.—Глядя на нихъ, небольшо забываешь объ ея кардиой рожицѣ.

— А что вы скажете, госноди,—подхватилъ Юрко.—Вѣдь икры составляютъ главный признакъ здороваго аженскаго иества. Если икры красивы, то и женщина во всѣхъ отношенiяхъ прiятна. Съ илокими же, тонкими икрами, женшина никада не гдирется. Мужшина ее не будетъ любить.

— Ты откуда это выцарапалъ?—спросилъ Василій Петровичъ.

— Это наше старинное остицкое повѣрье,—промогнулъ Юрко наисерьезнѣйшимъ тономъ.—Въ подтвержденiе его существуютъ у юраковъ даже любовныя легенды. Хотите разъяску?

— Ваалъ, дружище, послушаемъ. Это не безинтересно,—проговорилъ Василій Петровичъ.

(Продолженiе слѣдуетъ)

X. Пидри.

⁷⁾ Бывающая вѣнгерскаго университета.

ка.—Ну что? не хъ ли отобразил?—спрашиваетъ юрковъ киззекъ.—
«Кажись, что всё хъ,—отвѣчали юрки.—Болто не предвидится».—
«Эй, вы, снимито покрывала!—закричало киззекъ отобразившимъ.—По-
дадите ли въ настоящемъ своемъ видѣ!» Отобравшимъ разоблачи-
лись и всё оубъ, какъ есть, оказались юрчками. Диву не малому
дѣлся киззекъ, но сдержалъ свое киззекское слово. Отдалъ пѣли-
вицъ безъ выкупа и еще пригласилъ послать юрчицки въ себѣ
на впръ.—«Скажито мнѣ, старички почтенные,—говоритъ оубъ имъ
во время шпръ,—но какими это примѣтамъ вы узнали своихъ ба-
бюк?—«По юрамъ, наша киззекская милость!»—отвѣчаютъ ему
попы.—«Какъ по юрамъ?» удивился киззекъ.—«Ни у кого та-
кихъ красивыхъ юркъ, какъ у нашихъ юрчечкъ, наша милость,
ни найдете въ дѣломъ снѣтѣ,—говоритъ ему попы. Оубъ словно вы-
точенъ изъ кости того большого зѣбра, трупъ котораго иногда по-
падается на тулдрахъ. Вздыма, полныя, лдренныя.» Киззекъ взду-
мался. Дѣйствительно, такихъ красивыхъ юркъ оубъ у своихъ
юркъ не имѣлъ. На прощаньи старики юрки ому обѣщали,
что имѣть въ женскомъ естествѣ красивы юрки. Послеъ этого
кляпкъ прогвалъ всёхъ своихъ женъ съ влохими, тощими юра-
ми и выбрать себѣ дѣй пѣи три съ такими, каки были у юр-
чечкъ и доводствовался ими до самой смерти, во лица другихъ.

Да, господа. Но въ шутку пѣмъ говорю а—юрки у женщины
выбютъ большое значеніе. У насъ есть такіе доки старики, ко-
торые даже по женскимъ ступнямъ могутъ узнать все касательно
женщины. Такъ, напримеръ, по снѣдамъ боной женщины, остано-
женныи на сырой земѣ, можно намъ опредѣлять: дѣвица ли при-
шла изъ замужня, молодал или старуха, здорова или болѣзнен-
на, какъ долго ли до старости или умереть въ молодыхъ лѣтахъ,
однимъ словомъ—узнавать все лучше, чѣмъ цыганки по рукамъ.

—Потѣхъ!—захохоталъ Василій Петровичъ.—Что ты скажешь
на это?—обратился онъ ко мнѣ.—Говн когда-то сильно интерeso-
вала антропозологія.

—Насколько намъ моихъ наблюдений удалось мнѣ
снѣтн.—отвѣчалъ я,—симметри, при мѣлкости словенія, почти
всегда совпада съ асимметри, а антропозологія всегда сопровождается
антропозологіей. Поряду удивительно, что истинное,

противное чувствительности, учене Толстого особенно нравятся
старымъ дѣвкамъ, женщинамъ инкогрдымъ, убогимъ, ари-
стократичскимъ и т. п. аполитичскимъ. Я всегда считалъ пѣмъ
вкусъ, основывающийся на тонкости чувствъ въ упрѣхъ инкогр-
ныхъ развитіи, вероимъ извращеннымъ, подобнымъ веру китайцевъ,
падающихъ обыкновенно прелести въ убогоймъ женскихъ похъ.
Въ жизни моей мнѣ удалось видѣть всё три извѣстныя формы,
считающіяся идеальнымъ образомъ женской красоты: француз-
скую, немецкую и кантонскую или парижскую. Живо
и теперь еще представляются мнѣ всё ихъ формы, и мнѣ кажется,
что если бы кто вздумалъ сдѣлать которой-нибудь изъ этихъ
статуй или грудную кайту впроче, или тѣмъ уже, или подоб-
ныхъ округленныхъ ихъ юркъ, то, несмотря на прекрасную тѣло-
ку, вышла бы вприсатура. Для истинной красоты женщины не-
обходима полная гармония членовъ, и съ тѣмъ юбѣсть и полное
развитіе каждаго органа въ отдѣльности, такъ какъ во оубъ юр-
чечкѣ выраженымъ похоты физиологической жизни. Я часто оубъ
Душью-корлеву, влѣзъ се въ дѣсь представляю, вижу во каждымъ день,
часто даже заговариваю съ лею. Это хотя, какъ говорится, бѣд-
дѣвка, но чрезвычайно безхитростная и похотливая. Она вложена
великолѣпно и не имѣетъ лица у лѣи оубъ, она могла бы слу-
жить любому скульптору натурной для каменна. Изъ таковыхъ,
искрытыхъ глѣзъ ей такъ и вышетъ живое существо. По-
мудрено, что и благочестивый пѣмъ Иванъ Павловичъ похотливо
увлекается ею. Пѣмота и привлекательность жизни отражаются въ похот-
ности и правильности тѣловыхъ формъ, физическому же уроству
всегда почти соответствуетъ нравственное. Каждый членъ женскаго
тѣла, правильно развитый, будь это торсъ, тѣло, ноги, и, кажда-
луй, юрки, производятъ какъ это общепѣмство, немалое нрав-
ственное впечатлѣніе. Видъ то, что мы видимъ въ каменномъ и въ оубъ
другое, какъ плеченіе одного мидянина въ формѣ тѣла другого.
Пѣмотой пѣмъ юрчечкѣ, кажуційся пѣмъ бѣлѣтѣмъ, служитъ глав-
ственнымъ рычагомъ для приложивъ роль юрчечкѣ живущаго. Пѣмъ
ничего старине, юрчечкѣ и не имѣетъ юрчечкѣ въ мѣрѣ юр-
чечкѣ, раздѣленныхъ на похъ. Но съ вѣдѣрившимъ роде юр-
чечкѣ видѣ и необходимость его урчечкѣ, подлѣтъ розного

твия. Замѣчено надъ животными, что каждое изъ нихъ сознательно ищетъ себѣ пару здоровую и красивую и также безсознательно избегаетъ болѣзненную и уродливую. Безъ этого инстинкта все живыя твари давно изуродовались бы и перинедлись.

— А развѣ не бываетъ случаевъ, когда нелѣзютъ въ уродовъ?—возразилъ Василій Петровичъ. Я знаю много подобныхъ случаевъ.

— Я вижу, что и ты, какъ и все вообще, слову «любовь» придаешь значенія, но инстинктъ между собою никакой связи. Любовь какого-либо урода можно только при полной невраждебности естественнаго, вложеннаго въ насъ природою, вкуса. Ни другихъ же случаевъ это будетъ не любовь, а привычка. Человѣкъ можетъ привыкаться ко всякой вещи и цѣнить ее выше всего на свѣтѣ. Охотникъ привыкается къ своей собацѣ или ружью, пахадники къ своей лошади, а мы все это называемъ любовью. У людей интеллигентныхъ можетъ иногда проявиться грѣшная привычка къ женщинѣ, вслѣдствіе привычки или раскула. Долгъ, честность, состраданіе и множество другихъ причинъ могутъ иногда сердце заставить биться сладостно, но это все-таки не любовь въ истинномъ значеніи этого слова, не то, какъ ты называлъ, благоухавшіишій цѣтокъ жизни^{*)}. Впрочемъ, въ наше время и этотъ чудный цѣтокъ жизни порядкомъ выдохся. Ниши любовь въ твоемъ называемомъ культурномъ словѣ нашего общества разыгрывалась, какъ простая комедія или какой-либо фарсъ, большею частью такъ себѣ, для препровожденія времени. Вотъ почему культурные люди, постепенно теряя способность увлечься и воспламениться, все болѣе и болѣе превращаются въ какія-то тряпки и гнилушки. Любовь входить въ полный возможный расцвѣтъ личности, и исторія доказываетъ, что чѣмъ болѣе кто изъ людей былъ страстнымъ въ любви, тѣмъ болѣе онъ былъ великимъ... Немудрено, что ильи доктрины, въ родѣ толстоизма, находятъ себѣ друзей посядвателей. Оттуда не далеко и до настрація. Мы, рус-

*) Даже то, что называютъ платонической идеальной любовью есть не что иное, какъ форма чистѣйшей материальной, чувственной любви, только форма бездѣятельная, олицетворяющая путь нивотности.

скіе, хотя и скоро остываемъ въ своихъ увлеченіяхъ, но часто въ нихъ доходимъ даже до абсурда. Только у нецивилизованныхъ народовъ любовь въ истинномъ своемъ значеніи, пожалуй, сохраняетъ еще первобытную свою силу и энергию.

— Вотъ что, Иванъ Павловичъ, — обратился Василій Петровичъ, подѣвъ небольшой паука, къ своему приказчику. — Вы чловѣкъ толковый, сметливый и довольно опытный. Не возьмется ли вы провѣрить на выразѣ Дупьки-ворловой осяцкую примѣтку? Тутъ, вѣсте, кривѣйшаго личнаго вѣдѣствя, вышла бы еще польза для науки... Мы бы тотчасъ оновѣстили міру о такомъ важномъ вампѣ открытіи, какъ значеніе нѣтъ при расчлѣваніи качествъ жепенаго естества, какъ выражается наша смѣлѣть Юрко.

— Убравшись вы съ вѣшой Дупьки-ворловой и съ нашею бѣсовою наукою, — отозвался тотъ, схвативъ свою фуражку. — Вѣстите, господа, все эти ажемудрствования, перекреститесь и усните съ Богомъ. Вѣдь уже второй часъ ночи. Это будетъ полнѣйшая и главное — душевнѣйшая.

За Иваномъ Павловичемъ собрался уходить и Юрко, такъ какъ въ графиничей давно уже образовалась пустота. Другимъ же графиничюмъ Василій Петровичъ не имѣлъ обыкновенія бывать своихъ собесѣдниковъ.

— Вотъ что Юрко, — скивалъ ему на прощаніе Василій Петровичъ, — удерживая его за руку. На завтрашній вечеръ приготовь ты мнѣ что-либо такое... по менѣе забористое. А то эта осяцкая исповѣдь передъ первыми родами, этотъ культъ-хулиганъ, да икры порочекъ, произвела въ нашомъ естествѣ нелие свѣтленіе. Вотъ у тебя имѣется хорошенькая сказка про осяцкаго Громобоя, которую ты — помнишь? — въ прошедшемъ году рассказывалъ рѣшчю.

— Хорошо, — отвѣчалъ Юрко. — Постараюсь се припомнить.

— Какимъ это образомъ, — спросилъ я Василій Петровича, — „Громобой“ Жуковского могъ забраться къ осяцкамъ?

— Забрался онъ къ нимъ по милости нашего фантазера Юрка. Вотъ какимъ образомъ случилось это. Охнулъ мой рабочий, российскийъ человѣчекъ, изъ смѣльныхъ, нерадный грамотой, по время отдохновенія, вздумалъ позлѣбавить артель сказкою Жуковского о „Громобой“. Сказка эта, повидному, завала больше осяцкамъ, во-

и живших по-русски, чѣмъ навнхъ православныхъ сибириковъ. — «Дуракъ!» — сказалъ одинъ изъ этихъ послѣднихъ про Громоболъ, когда окончилось чтеніе. — «И на его мѣстѣ, при такомъ капиталѣ, набрать бы побольше себѣ женъ, папалодилъ бы побольше робятъ, да и отыскалъ бы ими ротъ чорту. Принесъ чортъ за однихъ, я бы предоставилъ ему другихъ, а тамъ и внуковъ, пожалуй. А когда нибъ враскучила бы жисть, тогда бы я, передъ приходомъ чорта, до срока, значить, дерлабулъ какого-либо земля, рускай тогда романсываетъ мою душеньку, я съ падломъ моимъ рускай дѣлаеть себѣ что похотѣтъ». — «Не хорошо, не хорошо, шибко не хорошо — твердили остяки. — «Чѣмъ тутъ ребятки виноваты? Почто ихъ отдавать чорту? Коли самъ виновать — самъ и отдувайся». — «Толкуйте вы тамъ себѣ, что хотите, а своя шкура дороже,» — проворчалъ сибирякъ, закурилъ трубку и вышелъ изъ круга. Тогда его братецъ, интеръ-офицеръ замеса, продунная бестія и большой русскій острякъ, съ цѣлью подтрунить надъ остяками, удостоившимися избрѣнія читальщика, разсказалъ «исторію», вѣроятно собственнаго сочиненія. Въ пей онь описываетъ, какъ вѣкій умный и ловкій русакъ (нашъ братъ-русакъ въ сказкахъ инымъ быть не можетъ, какъ только умнымъ и ловкимъ, хотя на дѣлѣ онь далеко не таковъ) продалъ душу свою чорту, и когда чортъ къ назначенное время за пей явился, то русакъ, вмѣсто своей души, подсувалъ ему своего работника-остяка, и не одного, а съ женой. Остякъ онь согласился итти въ адъ за хозяйка, но потребовалъ, чтобы хозяйникъ выставилъ ему предварительно невѣсту и женилъ его. Остякъ и его жена были крещеные. Чортъ расчлѣталъ, что ему выгоднѣе получить за одну душу двѣ, и согласился на обмѣнъ. Такимъ образомъ остякъ отправился живиць въ адъ, обилѣвъ крѣпко жену и захвативъ съ собою оленью печенку. Баба подъ бокомъ в оленьемъ печенка въ рубашкѣ, для остяка, но мѣлѣнъ разсказчица, — единственнаго сокровища въ мірѣ, единственнаго лакомства въ жианъ. Остякъ, жарясь на адскомъ огнѣ, ни на минуту не забывалъ думать ни со своей возлюбленной жевушкой, ни со вкусной оленьей печенкой. Это впадало въ вѣдъ чертей, и они надъ вѣдвоей чортой строили всевозможныя штуки. Сказка эта была по-вѣраемо сатира, невыразимо цинична, но всѣ сибирики, даже же-

щины и дѣвцы, слушати ее съ восхищеніемъ, и жали отъ удовольствія и готовы были отъ души кричать: bis! Тогда, потъ этотъ проклавикъ, Юрко, приподнялся съ мѣста и заявилъ, что у остяковъ тоже выѣтся свой Громоболъ, т. е. человекъ, запродавшій душу чорту, поичюе русскаго, даже прочитаннаго Громоболъ, и что онь готовъ повиждать о его беззастѣнливыхъ похожденияхъ, если почтенная публичка согласится послушати. Почтенная публичка согласилась, и Юрко урѣзалъ ей сказку про остякаго Громоболъ, тоже вѣроятно собственнаго издѣлѣя, но болѣе осмысленную, чѣмъ сказка про русскаго, замѣнившаго себѣ бѣдлѣмъ остякомъ и его жепушкой... — Итакъ, заутра, мой любезный Юрко, ты непременно раскажи эту сказку. Мнѣ она очень понравилась, и я увѣренъ, что она понравится и нашему гостю. А теперь отиравайся съ Богомъ спать.

— Кто знаетъ, что изъ всего Юрка вышло бы, если бы ему удалось получить современное европейское образованіе, — началъ Василій Петровичъ по его уходѣ. — Геніальная лѣтосапі! Способности у него феноменальны, но говори уже о воображеніи чрезвычайнаго поэтическомъ. Въ прошедшемъ году онь увидѣлъ у меня книгу «Исторія философіи» Льюиса и попросилъ дать ему ее почитать. — Позьми, сказала я ему, только поврядъ ли что-либо въ пей поймаешь. — Отчего же не почитать? Вѣдь она написана по-русски, возразилъ Юрко. — Есть, братецъ, много книгъ и по-русски написанныхъ, изъ которыхъ пячего не поймаешь, хотѣть было я ему замѣтити... Вотъ онь возился съ этой книгой цѣлый мѣсяць, вочи почти надъ пей просиживать, лакопецъ приносить. — Прочитатъ? спрашивала я. — Прочитатъ, отвѣчалъ я ухмыляетел. — Поинилъ? — Какъ не почитать? — Ну-ка, раскажи мнѣ что-либо изъ этой книги. — И можешь ли представить себѣ? Юрко, начиная съ Оаласа до Огуста Канта перечислатъ мнѣ подъ радъ всѣхъ философъ и недостаточно, что называть ихъ имена, но изложилъ съ удивительной точностію всѣ ихъ доктрины. Этакое ункъ чортовскій.

— Какое же онь вывелъ заключеніе изъ всей этой ерунды? спросилъ я.

— Самое ерундистическое, — отвѣчалъ Василій Петровичъ, разсмѣявшись. Онь, изволю видѣти, оспотался на пресловутомъ Бя-

тѣ, къ которому пылъ начать поворачивать и наши московскіе философы.—«Если міръ мое представленіе, говорилъ Юрко, то мнѣ принадлежитъ все въ мірѣ, все это моя собственность, мое произведеніе, которымъ я могу располагать по своему произволу. Выходитъ, что и Бога я самъ себѣ создалъ».—А кто же тебя создалъ,—спросилъ я,—тебя, Юрку дурака, все это себѣ представляющего? А? скажи-ка ты мнѣ?—Юрко улыбнулся. Потомъ презрительно махнулъ рукою на книгу Льюиса и произнесъ:—«Всѣ эти ученіи, изложенныя въ этой книгѣ, по моему простому разумѣнію, вышедшаго лица не стоятъ. Было бы тысячу разъ лучше, если бы ихъ вовсе не существовало. Господа философы, преслѣдуя вакуюто реальность за предѣлами опыта, уподобляются той собацѣ въ баснѣ, которая несла кусокъ мяса черезъ ручей, и желая схватить еще отраженію въ водѣ, выпустила изъ зубовъ настоящее мясо. Вѣдь большая часть людей живетъ себѣ безъ всякихъ философій и живетъ отлично». Тутъ онъ пересчиталъ почти всѣхъ извѣстныхъ сибирскихъ крестовъ, о философій выкакого понятія не имѣющихъ, а между тѣмъ живущихъ въ роскоши и довольствіи и ворочающихъ милліонами.—«Какъ по-вашему, Василій Петровичъ,—философіей ли они нажили свои капиталы?» спросилъ онъ меня. «Если философией, то ихъ философія должна быть совершенно отличной отъ тѣхъ, которыя изложены въ этой книгѣ».—Вотъ и поди ты съ Юркою!

Но знаю—вслѣдствіе ли неумолимаго смѣха, возбуждаемаго въ теченіе этого вечера уморительными анекдотами Юрка, или по какимъ-либо другимъ причинамъ, повліявшимъ на мои нервы, у меня совсѣмъ прошла охота западаться спать, хотя давно уже наступила пора. Василій Петровичъ тоже не чувствовалъ расположенія ко сну.

Мы отирались въ мою комнату, закурили, я прилежъ на свою кровать, Василій Петровичъ растянулся на диванчикѣ, и у насъ долго еще продолжалась бесѣда.

(Продолженіе будетъ).

Х. Нидро.

ОСТАЦКІЯ СКАЗКИ

или
ВЕЧЕРА НАДЪ ОБЬЮ.

(Продолженіе.)

— Такъ какъ твой Юрко шаманъ, началъ я, то мнѣ бы хотѣлось посмотрѣть на его шаманство. Мнѣ не довелось еще видѣть остяцкихъ шамановъ. Слышалъ я, впрочемъ, что они производятъ удивительныя фокусы.

— Если это фокусы, отвѣчалъ Василій Петровичъ, то они ими затѣнули бы за носомъ всѣхъ фокусниковъ на свѣтѣ. Не возможно дать вѣроятіи, чтобы какал-либо ловкость и пресидиантаторское искусство могли когда-либо дойти до такихъ необычайныхъ размѣровъ.

— Что же это по-твоему?

— Это такая нашей наукой необъяснимая штука, что какъ бы ты ни былъ скептикомъ или ученымъ, а станешь передъ нею втупикъ. Объяснить ее нельзя ни галлюцинаціей, ни галлюцинатическимъ состояніемъ зрителей, т. е. лицъ, наблюдающихъ явление. Вотъ, напримеръ, возьмемъ самое простое шаманское дѣйствіе: открытіе вора и вѣста, гдѣ спрятано украденное. Чѣмъ ученый объяснить это? Сообществомъ шамана съ воромъ? Не такъ ли?

— Разумѣется.

— А ты?

— И?... И, дружище, пришелъ теперь къ такому убѣжденію, что въ мірѣ, при безконечномъ измѣненіи, составляющемъ самую жизнь, все возможно. Лѣтъ 50 тому назадъ, я не повѣрилъ бы ни въ микрофонъ, ни въ фонографъ, ни въ радиометръ Крукса, дова-завшаго четвертое состояніе матеріи, ни въ перемѣщенію чувствъ и мыслей, спрѣчь, теленатію. Но теперь я ни о чемъ не скажу, что оно невозможно. Невозможно только въ математикѣ, чтобы дважды два было не четыре, а пять. Что же касается природы вообще, то я придерживаю языкъ за зубами, потому что всѣхъ законовъ природы, взаимно ограничивающихъ другъ друга, мы не знаемъ, да и никогда ихъ не узнаемъ. Что невозможно на нашей

бываѣтъ,—то можетъ быть самымъ обыкновеннымъ явленіемъ на земной-лицо другой. Бесконечна безобразья, и явленія въ ней должны быть безконечно разнообразны. Сколько было научныхъ систематическихъ отрицаній, и что же? Все они оказались несостоятельными при свѣтѣ новыхъ научныхъ открытій!

— И я такъ думаю. Поэтому ставимъ брать факты такъ, какъ она есть, и не стараться ихъ объяснить тѣми шутками давными, которыми обладаетъ современная, такъ называемая, положительная наука.

— Но и не будемъ слишкомъ легковѣрны.

— У меня прежде на „пескѣ“ происходили между рабочими порочавыя кражи. Варовали обыкновенно пани православные; обирали они то своего брата, то осликовъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ Юра сталъ попляхаться у меня, кражи прекратились. Чудная способность его открывать вора и мѣсто, гдѣ спрятано украденное, удивляетъ хищническихъ вилкопости рабочихъ. Однажды я нарочно бросилъ портмонз съ несколькими рублями. Подхватилъ кто-то сабурь и, разумѣется, затанулъ. Боясь же обыска, принялся его въ щель, въ задней стѣнѣ амбара. И спросилъ рабочаго:— не видаль ли кто изъ нихъ мой портмонз? Никто не призналъ. Юра въ то время спалъ. Когда онъ проснулся, я попросилъ его показывать. Онъ описалъ мѣсто, гдѣ спрятано было портмонз, повелъ варужность и примѣты затанувшаго находку, но не захотѣлъ выдать его по имени, хотя и могъ.

— Онъ дѣлаетъ много и не ослѣдкіе шмамы. Дѣлаютъ также и загниветамрошныя сомнамбулы. Ты не читалъ о парижской аскарической злодѣ, мадамъ Афингеръ, о которой писали въ гантахъ?

— Читалъ, именно, читалъ; но это было очень давно, еще въ бытность мою въ университетѣ.

— Въ сентябрѣ 1888 года, Лекокъ де-Буамонъ, адвокатъ и маркизъ Жюль Фапра, отправился въ Пьемонтъ по какому-то дѣлу. Онъ възялъ съ собою супругу, семейство его получило денешу, и въ ожиданіи объ отвѣсаваніи его трупа въ окрестности того мѣста, откуда было получено его поглядное письмо. За мѣсяцъ или больше до того времени, содѣяство его, обезвѣщенное его молчані-

емъ и предчувствуя что-то недоброе, паводило срывки, но этого не могло узнать. Тогда товарищи де-Буамона рѣшили поговорить съ мадамъ Афингеръ и отъ нея узнать, что де-Буамонъ убилъ прилично одѣтымъ человекомъ, путешествовавшимъ съ нимъ въ свѣтѣ, что этотъ человекъ нанесъ ему три удара винжаломъ въ шею, плечо и въ грудь, что де-Буамонъ защищался своимъ ножомъ, по товарищу убицы, но виду крестьянскихъ, добить его ударомъ нады по головѣ. Вместе съ этимъ левоидящія свѣтила подробное описаніе мѣста убійства, вещей, бывшихъ съ убитымъ, и примѣтъ убицы. Все это подтвердилось судебнымъ расслѣдованіемъ. Мадамъ Афингеръ способствовала и разъясненію дѣла объ убійствѣ судебного пристава Гюффе въ 1890 году*). Будучи загноитизирована своимъ сыномъ, 12 августа, онъ, когда два редактора газеты „Lanterne“ явились къ ней за совѣтомъ, привнесъ съ собою чертатку и газетную печатную приставу, рассказалъ, что Гюффе былъ заведенъ въ доушку и убитъ въ Парижѣ въ апрѣлѣ Мадлены, затѣмъ уложенъ въ большой защитанъ или судуль и отправленъ къ провинціи, въ окрестности одного большого города (Лиона) и будетъ виденъ 21 августа. Господъ же Мадри и дѣвицъ Гюффе, принесенныхъ къ ней шану покойнаго, она объяснила, что убицы будутъ арестованы въ одинъ изъ трехъ мѣсяцевъ, слѣдующихъ за консультаціей и что они отправятся въ Америку, что трупъ былъ захитъ въ большой мѣшокъ и что этотъ мѣшокъ шилъ молодой и красивая женщина, знавшая объ его назначеніи. Дѣло объ убійствѣ на бульварѣ Тампль... Ты читалъ о немъ?

— Читалъ. Помню его очень хорошо. Оно произошло въ 1891 году.

— Оно тоже было разъяснено во всей подробнѣ видѣлъ Афингеръ. Несколько дней спустя послѣ преступленія, редакторъ газеты „Lanterne“ отправился къ ней съ вопросомъ, слѣдующимъ для первой переизданія исцеленной Демаринъ Гюффе. Усмалтывае гниотизмомъ, сомнамбула объяснилъ, что убицы были другъ семей-

*) Гюффе былъ убитъ Машетомъ Марксомъ въ Парижѣ, въ улицѣ Троассанъ, близъ церкви „Мадленъ“.

ства Делларъ, что онъ давно уѣхалъ изъ Парижа и что онъ будетъ арестованъ въ рождественскую недѣлю. На другой день она добавила, что убійца—молодой человекъ, подавно оставившій военную службу, что онъ былъ вооруженъ двумя пистолами, что совершивъ убійство, онъ отирается въ сторону площади Бастили, чтобы замазать кровинки латва на своей одеждѣ; однимъ словомъ, разсказалъ все то, что онъ дѣлалъ, и что подтвердилось впоследствии.

— Я выбираю только эти три случая истинныя изъ множества другихъ изъ подобныхъ, о которыхъ сообщенія разсыпаны по разнымъ газетамъ. Но господа ученые смотрятъ на эти факты какъ на лжеденя, не имѣющія для ихъ науки никакого значенія. Если бы магнетизмъ или гипнотизмъ (что по моему одно и то же) не оставалъ много лѣтъ внѣ рамокъ официальной науки, то многое измыслось бы въ рутинныхъ возрѣвкахъ господъ ученыхъ. Многочисленныя наблюденія надъ субъектами, погруженными въ гипнозъ, показали уже, что такіе субъекты могутъ не только видѣть, что дѣлается въ отдаленіи, но по образу какой-либо статуи представить въ своемъ духовномъ видѣніи все, что происходило въ давнопрошедшія времена съ этой статуей или какой другой вещью, позанной имъ въ руки; они воспроизводятъ въ своемъ воображеніи цѣлыя періоды и сцены, описывая ихъ съ поразительной истинностію, подтверждаемой точными историческими данными.

— У меня былъ знакомый пѣвецъ Д.—ты его не знаешь. Онъ занимался магнетизмомъ и о телепатіи или мысленномъ внушеніи знаетъ больше, до того времени, когда объ ней заговорили въ Европѣ^{*)}. Онъ предсказывалъ великую будущность магнетизму, хотя, какъ ты, и ошибался. Онъ утверждалъ, что преступленія, какъ то: воровство, мошенничество, грабежи и убійства прекратятся сами собою, потому что преступники всегда будутъ открыты истинными сомнамбулами, и никто не станетъ надѣяться обмануть телепатіею и избѣгнуть кары закона. Исчезнутъ даже, лицемеріе, фальшивство; долги и недостатки людей будутъ открыты, а только лишь все въ мірѣ не дѣлается само-собою, а зависитъ отъ

*) Подобный Д. П. Давыдовъ. См. статью мою „Медиумъ и ясновидяще въ Сибирѣ“, напечатанную въ №№ 41—44 журнала „Телусъ“ за 1893 г.

природы, у людей же—отъ ихъ врожденныхъ свойствъ, унаследованныхъ и приобретаемыхъ, то и не будетъ раздѣленія на хорошихъ и дурныхъ, высшихъ и низшихъ, и тѣхъ лживой соединитъ чувство доверія и того благорасположенія, которая намъ заповѣдалъ Спаситель. Такимъ образомъ магнетизмъ окажется тысячу разъ могущественнѣе и плодотворнѣе того толченія воды въ ступи, которому могутъ быть угодоблены проповѣди различныхъ моралистовъ и все эти измышленія разныхъ Голстыхъ, Вьерисоныхъ, Фогандро, Родовъ, Буржо и прочихъ идеалистовъ, мечтавшихъ объ исправленіи человеческого рода. Если человекъ будетъ знать, что всѣ его скверны могутъ быть открыты, то, конечно, будетъ стараться сдѣлаться хорошимъ человекомъ и бол. посредствомъ проповѣдей. Магнетизмъ—единственный панacea человечества отъ недуговъ нравственныхъ и социальныхъ...

— Но возвратимся къ остяцкимъ шаманамъ. Ты давно имѣешь общенія съ остяками, сдѣлать это тебѣ нетрудно дать мнѣ болѣе или менѣе точное объ нихъ понятіе. Ты, вѣроятно, ште-ресовался ими?

Какъ не интересоваться! Я родился въ Нарымѣ, а въ Нарымскомъ краѣ^{*)} много остяковъ, ведущихъ уже ошельскую жизнь, а величїе этого болѣе разлитыхъ, чѣмъ остяки тобольскіе.

— Вѣритъ ли остяки въ душу и въ безсмертіе? существовать ли у нихъ загробная жизнь съ ея воздаяніемъ за добрыя дѣла и наказаніемъ за дурныя? Есть ли у нихъ адъ и рай и какъ они его себѣ представляютъ? Вотъ что мнѣ хотѣлось бы узнать, такъ какъ и до сихъ поръ не могъ себѣ составить объ этомъ опредѣ-леннаго понятія потому, что о религіяхъ инородцевъ, особенно тѣхъ, у которыхъ не существуетъ иезменности, наши ученые до-вольствуются самыми поверхностными свѣдѣніями.

— И неудивительно. Происходить это отъ того попервахъ что сами инородцы, по своему умственному неразвитію, не въ состояніи достаточно выяснить существованія своихъ вѣрованій. Возьми ты любого нашего православнаго престолюдина и поворобѣй поучить отъ него правильное объясненіе догматовъ христіанства. Онъ

*) Нарымскимъ краемъ называется большая часть Томскаго округа

тебѣ нагородить такую чепуху, что ты поневолѣ затынешь уши. Во-вторыхъ, инокорды вообще не охотники распространяться о своей вѣрѣ передъ русскими, которые всегда надъ нимъ глумились и глумятся. Обстоятельное повѣіе о своей вѣрѣ могли бы дать инокорды ученые, но они не должны быть христианами. Крестъ заставляеть инокорды относиться къ своей вѣрѣ съ пренебреженіемъ, иначе они не крестились бы, а окрестившись они побоятся, чтобы его не заподозрили въ неискренности крещенія. Они дѣлится впрочемъ не только своей вѣры, но и своихъ одноплеменниковъ. Отъосветленно вѣры въ душу и ея безсмертіе—остатки не уступаютъ и шамъ, христианамъ, и ата вѣры у нихъ доходитъ до того, что они признають только душу у животныхъ, съ чѣмъ конечно не соглашались ни картезианцы, ни богословы. Остатки шаманы обладаютъ силой, дающей имъ власть управлять душами или духами животныхъ. Средствомъ ихъ они переносятъ свою шаманскую душу куда угодно и заставляють ихъ дѣлать, что имъ заблагорассудится.

— Посудимъ, — вѣдь это интересная повесть для нашихъ спиритистовъ, которые являютъ духи только умершихъ людей. И впрочемъ сообщу имъ объ этомъ. Пускай раскусятъ это!).

— Остатки шаманы раздѣляются на три разряда. Однихъ можно употребитъ нашими шаманами, или *домашнимъ* людямъ, какъ выводится у насъ въ Сибири. Они могутъ излечивать разныхъ болѣзней, а также и псалить ворчу. Называютъ они по-остяцки *чужичками*. Другой разрядъ составляютъ *кочычаны* или *самырки*. Это шаманиды или прорицатели. Имъ извѣстно будущее. Они предсказываютъ урожаи, инвюденія, счастливые или несчастные случаи въ жизни и т. п. Третій разрядъ и самый главный, а потому и весьма рѣдкій, — это *сидыряны*, вѣчно въ родѣ медиковъ спиритистовъ, или вѣрнѣе раздѣль-юговъ индукскихъ, о которыхъ сообщала наша Благовѣстная, известная специалистка по части шаманскихъ учений. Имъ какъ и раздѣль-югамъ, приписывается способность вѣдывать тайны природы, сохранять юшескую

верность и продолженіе долгаго, почти невѣроятнаго продолженія времени, а также и способность покидать собственное тѣло и переходить душою въ другое. Они также могутъ превращать людей въ животныхъ.

— Эксперименты послѣдняго рода производятъ шамъ и шаманиды, которые магнитизеры или гипнотизаторы.

— Души животныхъ, находившіяся у сайдыряновъ въ услуженіи, называются *домъ*. Каждый сайдыряны имѣетъ по вѣсколку этихъ *домовъ*. Изображенія ихъ, въ видѣ дѣтскихъ куколъ, хранятся въ особенномъ мѣстѣ. Въ случаѣ неисполненія ими какого-либо приказанія, шаманы выдаютъ имъ отлучную записку. Въ Нарымскомъ краѣ есть остатокъ Мазотка, принадлежатій къ разряду сайдыряновъ. Онъ крещеный, ходитъ въ церковь, ставитъ свѣчи, владѣетъ усердные поклонны, читаетъ молитвы, а все-таки не перестаетъ быть шаманомъ. Выходитъ, что крестъ какъ ни силенъ въ другихъ отношеніяхъ, а во въ состояніи изгнать врожденной чертовщины, какъ наши православные называютъ вообще шаманскіе кудеса. Шаманомъ вѣдь нужно родиться, искусственно же, безъ природнаго расположенія, сдѣлается имъ нельзя. Чтобы ознакомить читателей съ экспериментами, производимыми сайдырянами, я долженъ ненадолго прервать мою бесѣду съ Василіемъ Петровичемъ и привести сообщеніе объ этомъ Мазоткѣ, сдѣланное известнымъ этнографомъ Нарымскаго края г. Григоровскимъ и напечатанное въ IV книжкѣ „Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго русскаго географическаго Общества“, изданной въ 1892 году.

У одного изъ крестьянъ, въ томъ селеніи, въ которомъ проживалъ г. Григоровскій, по имени Егоръ, украдены были похоть три хомута со шкурами. Розыскъ производился и по гумнамъ, и по задворкамъ, — похищеннаго не оказывалось. Подозрѣніе падало на извѣстнаго въ селѣ вора, крестьянскаго сына Бавло, отъ же „Филевка“, парня лѣтъ 24, который, какъ слышно было, вохкался въ каблукъ бражей, объяснилъ, что это уже 12-лѣ, и что ему еще надлежитъ сдѣлать восемь кражъ, какъ шаману промышленнику убить 40 медвѣдой, и тогда онъ будетъ словно заколдованный и никогда не попадется. Вѣдний Егоръ и виною подбивалъ фѣ-

*) Сообщеніе объ этомъ иную дѣйствительно сдѣлано въ журналѣ „Рубль“. См. № 41, 1890 г. стр. 393, но вѣроятно оно не по вкусу гг. спиритистамъ.

левку, съ цѣлью получить отъ пьянаго какой-либо намекъ ба мѣсто, куда онъ спряталъ хомуты, и предлагать ему даже деньги, обзаваясь подъ клятвой не выдавать его, лишь бы онъ указалъ, гдѣ они спрятаны; но сибирякъ былъ себѣ на умѣ, ловилъ жадно водку и не поддавался ни на какое подвохи. Оставалось Егору одно: обратиться къ шаману Мазоткѣ. Онъ сообщилъ объ этомъ г. Григоровскому, и послѣдній, изъ любопытства, извѣстилъ ему со-путствовать. Вотъ какъ г. Григоровскій описалъ свою экскурсію къ оляцкому «сидырпану»:

«Изъ волостию поибра, какъ-то вечеромъ, мы съ Егоромъ сѣ-ля въ сани и поѣхали къ Мазоткѣ. Егоръ съ нимъ не былъ зна-комъ, я тоже, сѣдовѣтельно, мы должны были, по прїзвѣ въ юр-ты*) оставились у Сидорки, который былъ знакомъ Егору и мнѣ. Егоръ захватилъ съ собою двѣ бутылки водки. Часа черезъ два мы добрались до юрты, потому что была метель и свѣгомъ пере-двигало дорогу. Устали тучи пописали на нобѣ и, казалось, были отъ земли только саженихъ въ пяти, не больше. Свѣтъ валилъ большими хлопьями. Прїѣхавъ къ Сидоркѣ, мы пошли въ пѣбу и пошемигоу объяснили цѣль нашего посѣщенія и, узнавъ, что Ма-зотка дома, просили свести насъ къ нему, познакомить съ нимъ и попросить поворожить для насъ. Выѣхавъ съ Сидоркой и пошпи мы къ Мазоткѣ, который жилъ очень близко. Мазотка пришилъ насъ радушно и, выслушавъ предложение Сидорки поворожить насъ и разсказъ Егора о кражѣ, согласился испытать свои силы, ве увидеть ли онъ что-либо, отъ „лозовъ“. Затѣмъ онъ бросилъ починку сѣти, вышелъ на улицу, затворилъ самъ снаружи ставни всѣхъ оконъ и привѣръ ихъ подставками. Вернувшись въ избу, онъ объяснилъ намъ, что его надобно связать чѣмъ-нибудь по рукамъ и погамъ и положить посреди пола; потомъ, когда огонь будетъ потащентъ, мы по все время должны сидѣть на своихъ мѣстахъ, ве шевелиться и не разговаривать, тогда онъ будетъ скликать сво-ихъ „лозовъ“ и они увесутъ его на то мѣсто, гдѣ спрятаны хому-ты и покажутъ ему вора. Но мы должны сидѣть молча до той поры, когда онъ потребуетъ опять зажечь огонь. Егоръ предложилъ

*) Юртами назывался оляцкія селенія.

Мазоткѣ передъ такою дальнею дорогою выпить стаканъ водки, тотъ согласился, а такъ какъ въ домѣ не нашлось ни стаканъ, ни рюмки, то выпилъ чайную чашку съ удовольствіемъ, но на пред-ложение Егора выпить еще одну отбѣчалъ, что онъ лучше выпьетъ постѣ, съ устатку. Семья Мазоткина все вышла изъ дома и ушла къ сосѣдямъ. Въ избѣ остались только я съ Егоромъ, Сидоркою и Мазоткою, дверь заперли на крюкъ. Мазотка былъ въ одной ся-ней дабовой рубахѣ, и, вставъ посрединѣ избы, предложилъ Его-ру связать ему руки и ноги. Егоръ снялъ съ себя опояску и свя-завъ Мазоткѣ позади руки, закрутилъ ихъ такъ, что безъ посто-ропной помощи невозможно было спясть съ себѣ отъ путы, или раз-вязать ихъ. Потомъ, положивъ его на полъ, и, взявъ оленску съ Сидорки, связавъ ею ноги Мазоткѣ. Мы трое сѣли рядомъ на лав-кѣ, а Мазотка связанный лежалъ на полу. Я, какъ сидѣвшій бли-же всѣхъ къ столу, загасилъ свѣчу, и мы остались въ темнотѣ. При всеобщемъ молчаніи и тишинѣ, только были слышны наша дыханія и самого Мазотки, лежащаго посрединѣ на полу; потомъ Мазотка началъ бормотать что-то, сначала про себя, а потомъ громче и громче. Выждалъ я не могъ понять ничего изъ словъ его, но потомъ, вслушиваясь, и понялъ, что онъ звалъ къ себѣ „ло-зовъ“, такъ какъ онъ понималъ слова: „капорымазовъ“ (медвѣжьей духъ), „лозанмазовъ“ (лисицъ), „кинанмазовъ“ (цесей), „мурмазовъ“ (духъ мѣтра) и другіе и приказывать нести себя туда, гдѣ находится пограбденныя вещи и показать ему вора. Три раза произвѣсилъ онъ свои заклинанія, потомъ пересталъ, и въ гробовой тишинѣ темной комнаты только слышалось тяжелое дыханіе Мазотки. Вдругъ, сверху, на подволоку избу, послышалось ворчаніе медвѣ-ди, цемного поюда лай лисицы, визгъ собику, уханье филина. Все это было черезъ небольшіе промежутки времени и повторилось въсколько разъ. Въ это время оленски сами-собой спали съ рукъ и съ ногъ Мазотки и какою-то невидимомъ силою были прошены въ лицо Егора, со шѣми узлами, которыми онъ завязывалъ ихъ, по развязаннымъ, по просто снятымъ*). Наверху, въ самой трубѣ, по-

*) По спиритическои терминологіи шѣмима лисицы называлась «роука» пошемику матерія чрезъ матерію.

слышалось бряканье шляпки, которую закрывался труба. Въ трюмъ безмолвн и темнотѣ, слышны стали наши затанцы дыханія, во дыханіи самого Малютки не было слышно. Въ полнотѣ по было видно ничего; каждый изъ насъ наиргилъ только слухъ и каждый чувствовалъ присутствіе другихъ, какъ бы тѣ ни затанцовали свое дыханіе, а шмавъ Малютка въ это время лежалъ совершенно бездыханный, какъ трупъ. Въ этомъ безмолвіи прошло около получаса. Вдругъ, вверху овиъ раздались тѣ же ворчанія медвѣды и крики другихъ животныхъ и таково послепенно, и шибсть съ отнмъ мы услышали и дыханіе самого Малютки на возу, какъ слышали его прежде. Наверху все смолкло. Малютка попросилъ зажечь огонь, я черкнулъ свичку, зажегъ свичку и мы увидѣли Малютку, лежащаго на полу. Онъ всеъ былъ въ поту и даже рубашка на немъ была все мокрая. Между тѣмъ на полу, вимов, въ такомъ куришій набѣ, викакъ невозможно было вепотѣть, потому что полъ былъ щемятый и во нилу часто ходилъ кахолоный пѣтеръ. Малютка встаетъ, сѣсть на лавку къ столу, какъ будто послѣ какой тяжелой работы, и сказалъ Егору, что хомуты его украли вьскій, черноволосый, худощавый крестьянинъ, еще молодой, съ черными бровями и карими быстрыми глазами. Ну, одишми, словомъ, описалъ вполнѣ Филенку, описалъ и полушубокъ его, и вѣтерато привал поза замарана дегтемъ, и бродни его, — рѣшишь только все примѣты, такъ что въ описаніи его нельзя было не узнать Филенку. Хотя Егоръ не свивывалъ ни Малюткѣ, ни Сидоркѣ, кого онъ подозрѣваетъ въ кражѣ, Малютка самъ узнать вора и подробно описать его. Потомъ Малютка взялъ со стола бутылку, налить полную чашку вина и, во переволя духа, выпилъ съ устанку; вѣтнмъ, обратившись къ Егору, сказалъ ему: — Протнвъ дома юра этого стоитъ амбаръ, за амбаромъ крутой обрнвъ берега, гдѣ вьскело много свѣгу; тутъ поодъ свѣгомъ, гдѣ лежать два примѣтки брошенная шапка, и лежать твои хомуты, тамъ и кидеши ихъ товаръ." Егоръ тотчасъ же досталъ изъ зарнина рубашный билетъ и поределъ его Малюткѣ въ благодарность за его труды и шрокбу, и предложилъ еще выцнть возки. Малютка съ устатку, какъ говорилъ онъ, опросталъ всю бутылку.

И свиривалъ его, что было съ нимъ послѣ того, какъ свал-

вали его и погасили огонь? Онъ отвѣтилъ, что „лозы" носилъ его туда, гдѣ была повража, и воялала, какъ воръ украде хомуты, какъ вонъ ихъ съ собой, гдѣ сврнчалъ и какую вѣшилъ шибтку, чтобы самому найти ихъ — На вьскъ же мой, почему онъ такъ усталъ и такъ вепотѣлъ? Онъ отвѣтилъ: „Что я по могу свазать, только тутъ бываесть тяжело, шмавъ тяжело." Вотъ я не могъ ничего забыть изъ вѣща...

На другой день Егоръ пошелъ къ старшпн, разсказалъ ему все о нашей пощадѣ и повржѣ и вкнчилъ воялать вѣтнмъ, чтобы при вонъ найти повражу. Люди сврнчелъ, вояла и дѣлать вояло въ вояланномъ мѣстѣ вилимъ зарытыми въ свѣгу и вьскелыми еще свѣгомъ три хомута, а повржъ того мѣста брннчншу и воянчншу въ свѣгъ вояловину паломашной вояловн.

Филенка все-таки не свазался въ кражѣ, да и увнчнть его было вѣчнмъ: вѣщи найдены не въ амбарѣ его, по за воянчмъ въ свѣгу. Тутъ могъ ихъ сврнчать вѣскій воръ. Подозрѣвать какой-либо обманъ въ дѣлствнхъ Малютки совершенно невозможно, потому, что вѣднннн внородды воянчдъ прнстѣ, отарнннннн и не такъ воянчнчнлнсь, какъ воянчдн ихъ крестьянн... Слмъ Малютка участвнать въ кражѣ, не могъ, да онъ и не воръ: вѣбъ воянчтъ его за честнаго челоука.

По сознанію самого Малютки, какая-то сила перенесла его на мѣсто дѣлствнн и лоякала ему всю сцену кражи. Если Малютка искусный черновѣщатель и умѣлъ вполнѣ подражать и ворчанію медвѣды, и воягу собаки, и голосамъ другихъ животныхъ, то все-таки въ темнотѣ и общемъ безмолвіи, когда слухъ нашъ былъ напряженъ за недостаткомъ работы для зрѣннн, не втавалъ бы онъ отъ насъ своего дыханія, да и гдѣ ему умѣвать вѣднннннн и вепну кражи? Откуда вта усталость и обильный потъ, воянчнвшій на немъ всю рубашку на холодномъ, щелеватомъ полу, гдѣ ходилъ свнзной лнмнн пѣтеръ?"

Вотъ что повѣдалъ г. Грингоравскій о Малюткѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Х. Шдро.

или вилло какъ бы новую жизнь въ человечество, то какими же образомъ можно въ наше время руководствоваться въ сполнѣхъ поступкахъ чѣмъ-либо инымъ, кромѣ этихъ идеаловъ, еще далеко не осуществленныхъ? А на основаніи этихъ идеаловъ христіанство заставляло міръ, что земля будетъ принадлежать проткннмъ «блаженнымъ кроткимъ, или они наслаждаются землей». Но гдѣ же и искать въ наше время кроткихъ, какъ не среди нищихъ и убогихъ, всѣхъ этихъ отверженныхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ,—обреченныхъ на гибель во имя безнщидныхъ формулъ капиталистическаго прогресса? *Благотворительность, алая иль, исполняетъ свою высокую миссію въ интересахъ будущаго человечества, въ интересахъ тѣхъ идеаловъ, къ осуществленію которыхъ стремится настоящее.*

(Продолженіе будетъ).

С. Захарынь.

ОСТАЦІЯ СКАЗКИ

или
ВЕЧЕРА НАДЪ ОБЬЮ

(Продолженіе)

— За Сургутомъ, на рѣкѣ Вахѣ, одномъ изъ притоковъ Оби,—продолжала Паскаль Петровичъ,—есть тоже у алѣшннхъ остаткомъ шаманъ высшего разряда, т. е. сайдырапъ. Но я его не знаю. Зовутъ его Финкой. Рассказываютъ про него, что онъ разъ поспорилъ съ простымъ шаманомъ, кизтыцагомъ, хваставшимъ своимъ искусствомъ, и доказалъ ему, что тотъ передъ нимъ ничто. Доказалъ слѣдующимъ образомъ. Онъ стѣлъ противъ кизтыцага, пробормоталъ какія-то заклинанія, и вдругъ на лицо бѣднаго кизтыцага посыпались тѣмъ звонкимъ пощечнымъ, напосыпая лавиндой ружкой, что всѣ, бывшіе въ чумѣ (это происходило днемъ), выбѣжали вопъ, боясь, чтобы я имъ не досталось. Кизтыцагу пришлось заводитъ благимъ матомъ и словно умолять о пощадахъ^{*)}. Онъ

же въ состояніи былъ убѣжать, потому что невидимая сила удерживала его на мѣстѣ подъ градомъ омерзѣ. Замѣчательно что всѣ эти шаманы не злоупотребляютъ своимъ искусствомъ для эксплуатации ближнихъ, какъ это сдѣлалъ бы нашъ православный человекъ, какой-либо знахарь или кудесникъ. Они всѣ или бѣднѣе, или живутъ, ничѣмъ не отличаясь отъ другихъ, добывая себѣ средства къ существованію своими личнымъ трудомъ, словно презираютъ блага міра и прелестя ея. Всего смѣлѣе то, что они живутъ объявленіе хранить въ глубокой тайнѣ извѣстныя имъ силы природы. Что же касается рая или ада, то у остатковъ вѣтъ не того, ни другого. Равнымъ образомъ, не существуетъ въ загробной жизни ни награды за добрыя дѣла, ни наказанія за дурныя.

— Но если они вѣрятъ въ безсмертіе души, то гдѣ же по ихъ мнѣнію, пребываютъ послѣ разрушенія тѣла, души умершихъ? Вотъ въ чемъ вопросъ. Вѣдь должны же гдѣ-нибудь онѣ находиться?—спросилъ я собесѣдника.

— Они не отдѣляются души отъ тѣла. У нихъ человекъ есть душа и духъ—человѣкъ. У нихъ,—говоря языкомъ спиритовъ,—какъ человекъ, такъ и всякое животное, послѣ смерти и разрушенія тѣла, превращается въ вѣкое астральное тѣло, послѣ-сомую субстанцію, способную принимать всѣ тѣлесные образы прежней жизни.

— Подобно вѣсѣ, организмъ которой, по мѣрѣ надобности, превращается то въ руку, то въ ротъ, то въ пищеварительный со- судъ. Не такъ ли?

— Совершенно такъ.

— Продолжай далѣе. Это чрезвычайно любопытно, но не представляется невозможнаго.

— Эти-то астральныя существа невидимо толкуются вокругъ живыхъ. Ихъ гонятъ тѣ же плотскіе инстинкты и тѣ же вождѣнія, что и живыхъ. Но такъ какъ они не имѣютъ плотныхъ материальныхъ органовъ, то, яренно вселяясь въ живыхъ людей или животныхъ, пользуются органами послѣднихъ. Они пасыщаются ихъ ртами и удовлетворяютъ всѣмъ своимъ вождѣніямъ при посредствѣ завладѣвавшихъ на время органовъ у живыхъ существъ.

^{*)} См. «Путешествіе П. П. Ифактуса въ страны восточныя», изданаго въ 1899 году въ «Кавказѣ. Царствѣ».

— Послушай, дружинце. Вѣдь это чисто индусское повѣрье. У индусовъ тѣмъ существа называются „блутами“. Но эти „блуты“—души умершихъ людей, но очистившихся отъ грѣховной скверны. Поэтому правовѣрные индусы страшно ихъ боятся, ихъ проклинаютъ на всю Индію и не пренебрегаютъ никакими средствами, чтобы отъ нихъ избавиться. Души же людей добродѣтельныхъ послѣ смерти соединяются съ Брамой и живутъ на *сватри* (небесахъ) съ престелыми гандарвами, подѣ небесную плѣнь которыхъ дремлютъ не одну вѣчность, а цѣлыя вѣчности, хотя, говори между нами, подобная дремота можетъ уподобиться абсолютной смерти, тогда какъ пребываніе среди живыхъ, какое бы оно себѣ ни было, все-таки будетъ жизнью. Повѣрь мнѣ, и я бы не отказался быть хоть матушкинъ „блутомъ“, жилъ бы радостями и страданіями ближнихъ и напелалъ бы на невозмутимый покой смерти, на буддѣйскую ширвану или сварту съ вѣщами ея гандарвъ.

— И я тоже.

— Странно, однако, какимъ образомъ индусское повѣрье о „блутингахъ“ попало къ остякамъ?

— Да вѣдь нашъ Словдонъ считаетъ остяковъ, если не выходцами изъ теплой Азіи, то, по крайней мѣрѣ, жившими некогда въ странѣ сухой или безводной. Онъ ссылается на открытіе ихъ въ вулканѣ лѣтомъ. Онъ утверждаетъ также, что обрядъ шаманства, при посредствѣ котораго остицкіе шаманы сообщаются съ невидимыми силами, вышелъ изъ Индіи. Дѣйствительно, остицкіе сандирваны имѣютъ большое сходство съ буддѣйскими хубияганами, хутуктами и подобными чудодѣями.

— Отчего же у остяковъ нѣтъ никакого представленія о ширванѣ, этой прославленной обители вѣчнаго, невозмутимаго блаженства?

— Отъ того, что представленіе о ширванѣ, какъ и идея объ искупленіи, вошедшая въ догматы многихъ религій, суть уже произведенія позднѣйшихъ временъ. Вѣра же остицкая—естъ вѣра примитивная, сохранившаяся еще тогда, когда люди не имѣли никакихъ понятій о божествѣ. Къ чему имъ было божество, когда у нихъ имѣлись шаманы, которые обладали способностью, какъ ясновидящіе, указывать вѣста, болѣе удобныя для перекочевки или про-

мысла, сообщать свѣдѣнія о томъ, что происходило съ отсутствующими родственниками или товарищами, предсказывать исходъ задуманнаго предпріятія и т. в. Вдохновеніе шамана для пѣвъ составляло все. Для нихъ шаманъ служилъ единственной священной книгой, живымъ библіей, изъ которой они могли почерпнуть все необходимое въ различныхъ случайностяхъ своей незатѣливой жизни.

— Вѣдь у остяковъ были какіе-то идолы, которымъ они поклонялись, которыхъ приносили жертвы; следовательно, они признавали существованіе боговъ. Новицкій въ своемъ «Краткомъ описаніи о народѣ остяцкомъ» упоминаетъ о какомъ-то стариннѣмъ обрядѣ, о какомъ-то гуей и идолѣ коудѣйскомъ.

— Боги остицкіе—это измышленія простыхъ шамановъ—кестципоговъ. Тотъ же Новицкій говоритъ, что эти кестципоги, которыхъ онъ называетъ *шаманчиками*, изъ желанія поклониться на счетъ дикого народа, изобрѣтаютъ при всякомъ удобномъ случаѣ новыхъ боговъ, которымъ остяки щедро несутъ дары; изъ восхваленьихъ же звынналъ долъ достается *шаманчикамъ*. Къ тому же, въ полномъ жертвѣ богамъ современнождалося всегда ширшество, а отъ ширшества простой людъ никогда и нигдѣ не отказывался. Въ сущности остяки мало вѣрили своимъ богамъ и въ случаѣ нужды въ своихъ предпріятіяхъ, для которыхъ испрашивали у нихъ помощи, обходились съ ними не слишкомъ взыскательно*). Не было бы этого, если бы они имъ вѣрили. Вообще, этотъ народъ чуждъ всякой идеализаціи, а также и воблачной мистици. Вѣдь у индѣйцевъ, несмотря на ихъ культуру, нѣтъ представленій о жизни отличной отъ той, которую они ведутъ на землѣ. Они не мечтаютъ за стѣнъ земной жизни о какой-либо другой. Для нихъ земля—небо. Для нихъ трудиться, значить создавать и пересоздавать, потому что вся природа зиждется на создаваніи и пересоздаваніи.

Юрко, послѣ побѣга отъ пона, намѣреваннагося сдѣлать его мисіонеромъ, жилъ у наримскихъ остяковъ, и въ немъ открылась способность сандирвана. Онъ вбросилъ шаманскій бубенъ и производилъ свои востерменты связаннымъ, какъ Мазогад, и въ так-

*) „Ширшуть въ безчестіе жьсто со всякѣмъ рудельствомъ“. Новицкій.

ной компании. Ты имела свидения съ петербургскими спиритами, прошла ими, что чѣмъ имъ выписывать различныхъ медиумовъ изъ-за границы, пускай бы они выписали Юрка. И убѣрентъ, что онъ отгадалъ бы за поносъ всѣхъ этихъ заграничныхъ чудодѣевъ.

— Мнѣ бы хотѣлось узнать, какое представление имѣютъ эти остиковы экзидуралы о томъ неизлечимомъ мѣрѣ, съ которымъ они впадаютъ въ общеніе.

— Я тебѣ уже сказалъ, что всѣ шаманы содержатъ въ глубочайшій свои секреты.

— А Юрко ранилъ ничего тебѣ не объясняетъ?

— Ничего. И только на некоторыхъ намекахъ его могъ догадаться о томъ, что тебѣ разсказалъ о вѣроваши остиковъ.

— У него, какъ было развитаго, смысленаго, могло составиться болѣе или менѣе определенное понятіе объ этой странной мѣрѣ, каково мнѣ представляется остиковая вѣра.

— Конечно. Но ты развѣ считаешь это вѣрой? Развѣ могла быть вѣра безъ божества? У остиковъ есть божества, которыхъ бы они истинно почитали. Ихъ экзидуралы сами почти себя считаютъ богами.

— Непремѣнно нужно вызвать Юрка на откровенность. Напрямѣ, да въ ему побольше вина.

— Ничего изъ нимъ не подѣлалъ. Совершенно пьяный онъ хлѣбнулъ вѣромъ, какъ рыба, а подвыиниши разведетъ тебѣ одну лишь тусу на лозекахъ. Одиладъ онъ догадался, для чего я его подпавлю, и прямо сказалъ мнѣ: «никому другому, кромѣ тебя, я не пошарилъ бы тайны, которой ты, другъ, хочешь отъ меня добыться, потому что уважаю и люблю тебя больше всѣхъ. Но если тебѣ хочется узнать эту тайну, то поклянись мнѣ, что никогда и никому не объявишь того, что узнаешь отъ меня, даже на смертномъ одрѣ». Само-собой разуверителъ, послѣ этого я отложилъ вслѣдъ пооченіе. Кто знаетъ, какова у него та же тайна? Можетъ быть, зная, что лучше ее вовсе не знать... Одиладъ, мы съ тобою здорово поболтали. Пора и на бобовую. Съ шаржающимися знаемъ у часъ предостанъ большаго работа на «пескѣ».

Съ этими словами Фасилій Петровичъ повелся въ свою спальню, отдаленную отъ моей комнаты толкой перегородкой, за ко-

торой искорѣ послышался его здоровый храпъ. Я же клячи еще вертелся на кровати.

Изъ омута различныхъ отвѣченностей, въ которыхъ мудрые люди погрузили простой человеческій умъ, вышло мнѣ самъ собою выдѣлался вопросъ о душѣ, который до сихъ поръ еще не рѣшенъ окончательно. Да и впродѣ ли скоро рѣшится. Древніе люди отъназъ его очень просто, — имъ вся природа представлялась живою, одушевленною, они не отдѣляли души отъ тѣла. Но одному греческому мудрецу выдумалась посядсти въ чужомъ другомъ человѣкѣ, который будто управляетъ первыми но мѣхъ его мысляхъ, чувствахъ и дѣйствіяхъ, и идея объ этой двойственности, извѣстная подъ именемъ дуализма, пошла гулять по вѣбу свѣту а кончатъ юмги людей мыслящихъ. Послѣдствомъ монизма, — этого древняго мировоззрѣнія, — всѣ явления объясняются существованіемъ или измѣщеніями одной неизлечимой сущности; дуализмъ же принимаетъ для водохорого объясненія двѣ сущности — духъ и матерію, которая будто ему позолительно извѣстна. Но хотя въ метафизика трансцендентныхъ философовъ, въ политическомъ и философскомъ современныхъ натуралистовъ до сихъ поръ не могли даже въ докладе, ни опровергнуть, тѣмъ не менѣе многіе психофизиологи начали склоняться въ сторону монизма, и скоро, пожалуй, изгонять изъ человѣка другого человека, и сдѣлается одиной душа-человѣкъ, тѣло или субстанція, оживленная, чувствующая и мыслящая, существо единое и нераздѣльное, всеобщаго и неразлагаемое, какъ объ этомъ выразился творецъ «Потерянаго Рая» Джонъ Мильтонъ, въ своихъ «Разсужденіяхъ о тринальномъ христианствѣ». Знаменитый англійскій философъ и психіатръ Магделанъ, въ одной изъ своихъ произвѣчныхъ рѣчей по предмету иррациональности и бѣзумия, высказалъ, что сизъ всѣхъ ложныхъ вѣроваши, которыя исповѣдывалъ человѣкъ, трудно указать на такое, которое было чуждые всѣхъ по своимъ послѣдствіямъ, — но острое различіе монистичъ, высшихъ отношений между тѣломъ и душой, мы можемъ съ убѣренностью сказать, что на одна ложная вѣрина не превращая ихъ своими пагубными послѣдствіями...

(Продолженіе слѣдуетъ)

Х. Нидро.

ОСТЯЦКІЯ СКАЗКИ

или

ВЪЧЕРА НАДЪ ОБЬЮ.

(Продолженіе*).

Различныя теоріи о сущности души можно свести къ субъ-
ективизму, бодфе распространяемымъ: а) теоріи материализма, б) те-
оріи пантеизма, в) теоріи психическаго атомизма и г) теоріи пси-
хическаго индивидуализма.

По теоріи материализма, душа есть функція тѣла, а инди-
видуализмъ матеріалиста заключается въ томъ, что душа есть нечто другое, какъ триа личности и смерти. Съ при-
ращеніемъ этой триа исчезаетъ и душа.

Теоріи пантеизма хотя и представляютъ собой заклинаніе, про-
тивъ материализма, тѣмъ не менѣе и она отрицаетъ бес-
смертіе души. По ней, душа, какъ временно выдѣляющаяся частца
изъ тѣла, хотя и индивидуализируется, но въ концѣ концовъ долж-
на вернуться свою индивидуальность и слиться съ общимиъ тѣла-
ми, къ которымъ она принадлежитъ.

Теоріи психическаго атомизма приписываетъ каждому атому
вещности духовныя свойства и полагаетъ, что самоощущеніе чи-
стоѣтъ есть равнодѣйствующее соединеніе атомовъ, составляю-
щихъ его тѣло. Сказавшись, по этой теоріи выходить, что съ
разрушеніемъ тѣла и распаденіемъ въ пространствѣ атомовъ, со-
ставлявшихъ тѣло, должно уничтожиться и индивидуальное созна-
ніе человека, т. е. души.

Теоріи психическаго индивидуализма основывается на томъ,
что тѣла какъ бы міръ души могутъ производиться только долгами.
образомъ — или путемъ эмиссии, или путемъ импозеіи. Душа же
какъ сущности не материальна, иа тѣла, по другимъ путемъ про-

изводитъ въ моментъ, — то она или самоощущеніе или совокупное Божество.
Противники матеріалиста заключеніи стараются доказать свои го-
ловы множественныя отрицающіеся факты, но я, какъ христианинъ,
все таки вѣрю, что душа создана Богомъ и что она бессмертна...

Съ этой идеей я и самъ вышелъ и прождать чуть не до 10
часовъ. Михенчъ часа два поогрѣвалъ сеномъ въ ожиданіи мо-
его прибытія. Когда же я появился, то онъ выскочилъ въ Ми-
хенчу и пѣсколькихъ бобъ, пикого на «сидѣ» въ бѣло. Тамъ на-
хаживалъ въ рубѣ.

Нахаживъ чаю я паживалъ лица, шею и руки остиаковъ, мо-
его пріятеля, я вышелъ совершить обычную мою утреннюю ма-
гулку по берегу.

Нѣсколько раньше рыболовныя промышленныя, продавая «сиды» у
остиаковъ, думали, что и остиаковъ ихъ поймаютъ уловили съ
тѣмъ, что бы они стали пріятелями рыбу по нѣкоторыхъ рыбо-
вѣдѣ. У Василія Петровича остиаковъ есть общество, называ-
емое «песчанка», было больше десятка. Они жили со своимъ семей-
ствомъ въ полуверстѣ отъ берега, около дѣла, — одинъ съ берега-
выми пѣсковыми полями, другіе въ холмистыхъ низинахъ. Бро-
диль остиаковъ было также пѣсколькихъ русскихъ семействъ: это Тим-
оха и Харина, умывавшіеся въ рыбномъ промыслѣ въ притоки
«песчанки» «паранка», какъ выражаются въ Остии на остиа-
вѣ къ землѣ, но принимавшіе къ числу остиаковъ по кон-
тракту рабочихъ. Семейные русскіе жили въ рубѣхъ берега.

Дѣла я не могу умолчать о заведеніи въ рубѣхъ въ де-
сять* парадѣ пріема рыбы съ остиаковъ, продаваемыхъ въ
«песчанку», парадѣ, доказывающемъ до самой смерти доказать
бессмертіе въ остиаковъ несчастныхъ низинахъ бѣлостѣ-
выми сибирскими куличиками. Рыба отъ остиаковъ, какой бы она
была величины (за исключеніемъ такъ называемой «драгой») при-
нимается по ва «сидѣ», а по мѣру въ остиаковъ души, а она
она не достигая этой мѣры хотъ на шель-верника, то въ мѣру ре-
бу бѣлой рубѣхъ долженъ отдавать рубѣ.

Къ чести Василія Петровича, я долженъ сказать, что онъ
принимаетъ какъ отъ остиаковъ, такъ и отъ русскихъ рыбу по «сидѣ».

*) См. № 10 «Таб. Рус. Инд.».

Она прекратила также и другой родъ безсовѣстливѣйшей эксплуатаціи, которую отличаютъ прилавочки разныхъ кунцовъ, подымающихъ къ „цескамъ“ на лодкахъ или баркахъ съ цѣлью шибенивать рыбу у остяковъ на разныхъ вѣсн. Тамъ, напримеръ, за мѣдное кольцо, цѣпочку, ленту, шавертокъ, бумажный полсотъ, изъ коихъ каждая вещь стоитъ не болѣе копѣйки, они обыкновенно берутъ мokusua*), а за бумажный платокъ, стоющій 10—15 к.— два или три мokusua. Василий Петровичъ означенныя вещи закупалъ въ Томскѣ вмѣстѣ съ мукою, солью, табакомъ и другими принадлежностями и отдавалъ своимъ остякамъ въ магазинѣ ихъ стоимость. Это было причиною, что все эти стравающіеся торгашки, эти „обскіе волки“, съ прокатными пролизнали мимо его „цесковъ“, и не могли ничѣмъ тамъ поживиться. Торговлю рыбой мелочью, на которую вообще падки остяки и особенно ихъ жены и дочери, завели у себя и прочіе рыбопромышленники, но деруть за эту мелочь столько же, сколько и „обскіе волки“.

На цескахъ Василий Петровичъ было довольно женщинъ, остячекъ и русскихъ. Между ними попадались даже и по дуренькія. Одну изъ такихъ я увидѣлъ около барака, изъ котораго помещался семейные. Это была жена главнаго засольщика Семена Егорича, Аграфена Васильевна. Она старикъ лѣтъ подъ 70, она молодая бабенка лѣтъ 22, типа чистаго малороссійскаго, живая, круглолицая, румяная, чернобровая и черноглазая. Что свело этия индивидуумы типаго несоответственнаго возраста? Вопросъ этотъ веражен у меня великій разъ при взглядѣ на эту чету. Со стороны мужа это можно было объяснить извѣстной русской поговоркой: „сдвина въ бороду а бѣтъ въ ребро“. Но чѣмъ это объяснить со стороны жены, тѣмъ болѣе, что она пользовалась хорошей репутаціей и за нею не слышно было глѣхъ шалостей, которыми весьма естественно у молодыхъ жёнъ, выходящихъ старшихъ мужей? Неужели она влюблена въ эту жалкую развалюху?..

*) Мokusua, онъ же рогатикъ, но-сибирскимъ *словоутомъ*, чистаго сибирскаго рыба. Длинною онъ бываетъ иногда 10 вершковъ. Соленый мokusua въ городахъ продается по 45—50 копѣекъ. Мерзавый, но соленый—дороже. Это довольно вкусный рыба.

Аграфена Васильевна развѣшивала бѣлье на протянутой около барака веревкѣ. Она, вѣроятно, только что пришла съ рыбой. На ней была какал-то старая цѣпкая юбка (вообще у ней не замѣчалось страсти къ параднымъ), прикрытая спереди фартухомъ и приподнятая чуть не до колѣнъ; на голотѣ ея посрѣдѣ попошепный бумажный полушалокъ, ноги были голыя. Завидѣвши меня, она опустила подобранные концы юбки, но не показывала виду, что меня замѣтила.

Я подошелъ къ ней и, подождавъ, хотѣлъ было отъ нечего дѣлать поболтать съ нею. Она была чрезвычайно бойкая и словоохотливая бабенка, но почему-то нехотя отбывала мнѣ, чего ранѣе съ нею не проходило, когда мнѣ удалось перекидываться съ нею, болшею частію, шутками.

Я подошелъ поближе, заглянулъ быть церемоній въ ея лицо и, вмѣсто несолой и пугающей улыбки, увидѣлъ свѣдѣе слѣды слезъ.

— Что это значитъ?—спросилъ я.—О чемъ вы плакали, Аграфена Васильевна?

— Какое вамъ дѣло до чужаго горю?—произнесла она отвѣтливо.—Ничего модала жена, да про свое горе никому не скажывай,—добавила она тихимъ голосомъ, словно про себя.

Я присѣлъ тутъ же поблизости на какой-то полустгнившей колодѣ и закурилъ сигару.

— Васъ не обидѣлъ ли кто?—началъ я.—Скажите. Мнѣ, право, очень жалко насъ.

— Ничего вамъ жалко меня? Что я вамъ?—отвѣчала она, вслѣдствіи смѣху въ сторону.

— Я по природѣ очень добрый человекъ, очень заботливый, и чужое горе, особенно женское, чрезвычайно меня трогаетъ,—приговорилъ я.

— А мнѣ, признаться, и по въ домѣтъ, что вы такіе добрый и жалостливый человекъ,—возразила она.

Загнѣвъ, пофислила послѣднюю штучку бѣлья, бывшаго у ней на рукахъ, она обтерла мокрыя руки фартухомъ и подошла ко мнѣ.

— Вотъ такъ лучше,—сказала я.—Сиди мелъ рыкомъ и поговоришь ладкомъ. О чемъ вы слѣдизи, мнѣ? Что за притѣвъ вашему горю?

— Моему горю причина,—пачала она, пошного подумав,—идишь злой человек.

— Какой злой?

— Угадайго.

— Не могу знать.

— Значит, вы плетёной из чужь.

— Совершенно верно.

— Ну, чужь дёласть почему. Я вамь скажу... Это Иванъ Павловичъ, нашъ парадничь.

— Иванъ Павловичъ? Что ле могу вамъ сдѣлать этого свлтой человекъ?

— А мнѣ адаетя, что втотъ свлтой человекъ съ чертями знетя.

— Какъ это съ чертями знетя?

— Онъ у насъ сдываетъ за ворожеюку, а всѣ ворожеи безпробино съ чертями должни знатяся.

— Не ршетою ли онъ вероантъ?

— Ха, ха, ха! Вотъ что выдумали! Рашъ чужю ршетою ворожею?

— Онъ мастеръ ворожею ршетою. Вы этого не знете?

— Не знаю, не слыхала. Но у него книжидя такая старинная имбетя... Вотъ онъ по ней и дѣлаеъ свои „записи“.

— Какія записи?

— А вотъ кивя. Мужъ какой либо спроситъ у него про жепу, какого она права и новеденя, Иванъ Павловичъ заглянетъ въ книгу и...

— Ну и что же?

— Ну, я сеговитъ по книгѣ этой записи, какой жепя есть.

— И что же, верно отгадываетъ?

— Какой чортъ! Вретъ, какъ свинья жеринъ, а дураки ему гѣрять... Онъ и моему старому хрычу составилъ обо мнѣ записи, втотъ и заблеленя.

— Ничего, еѣ Богу, по понимаю.

— Въ этой записи Иванъ Павловичъ пагородилъ моему мужу, что я Вотъ знете каван,—и зукивалъ то я прелудкавал, и обирадываю мужа, обирадываю для того, чтобы, когда онъ повреть, я

могла остаться съ деньгами и заручитъ себя молодого мужа... Вотъ что... Вотъ какой я вышла по записи Иванъ Павловичъ.

— Что вы ещё можете найти молодого мужа, когда нашъ старикъ умреть, то жепю продаваеъ и боъ всякой жепи по какой-то глупой книжиде. Идъ вслтъ мужъ, какъ онъ ни бодряеъ, а долго не протянетъ. А хорошеюкой выдумка, какой будете вы, можете найтия молодой мужъ: ва старика, и думаю, вы сторижно не пойдете. Судьба ваша еяо имерал, и вамъ отчеланяться почто.

— Сужо старое дерево, хоти и скривитъ, но поростаеетъ часто и молодой—прививея Аграфона Пасильюна въ выанкъ.

— И чтоо удивляеъ,—продолжаетъ я,—что вы вышли изъ такого старика.

— Нужда и горе заставитъ.

— И Селепъ Егорычъ пофривл. записи Иванъ Павловичъ?

— Его записею всѣ вѣрять... Книжидю свою онъ выдеетъ изъ книгу какого-то царя Соломона, а тотъ царь будто знатъ, что было, что есть и что будеть... Такъ толкуеъ намъ... Мужъ два раза мепя покодотилъ уже, рашню чего никогда не бывало; всѣ доврашяеетъ, куря я долго причу на приданое, когда выдумю послѣ его смерти выловитъ за другого... Собираеъ улетѣтти жепя ит жепу, рашдѣтти до-нага, свинеть и на муралнице поедеть... Тамъ, говоритъ, свинаеъся куда ты причеъ деньги... Конечно, ея би онъ не идтъ, у насъ жепя бы оберчеялся квалъ-тобо кепея на чернѣй депъ... Жилопанеетъ еяо Василѣй Петровичъ на вѣзжаеъ... Но когда мы на ниму уходимъ съ „песедомъ“ за вратъ, мужъ пачинаеъ немилосердно пить, дѣло долотину съ таба по клубкамъ пачаданяеъ... Какія же тузъ у насъ знете бытть деньги? Одно только горе и маетя съ нимъ.

— Иванъ Павловичъ про однихъ записи сдѣлалъ записи или дѣлаеъ ихъ и про другияхъ жепичнѣхъ?

— Про всѣхъ, почитай, какъ есть. Вѣдь каждому мужу жеп-

*) Эта пытка въ бытность нашу происла у шибрскихъ крестьянъ. Еѣ сдѣлаеъся не только замученныя жепичны, но и жепичны, но даже и жепичны.

было узнать про свою благоволительную, какова она есть.

— Гдѣ же эта объ васъ записи находится? Интересно было бы ее почитать.

— Разужбегаетъ у мужа... Тоже и удругизь... Тѣ, которые грамотны, берегутъ про себя, а неграмотные даютъ читать товарищамъ, коли въдумаютъ покуражиться надъ женой: „На-кося, послушай, полюбуйся, голубушка, что царь Соломонъ про тебя сказываетъ...“ Иванъ Павловичъ и про Дуньку коринную сдѣлать записи ея жениху Петрову Захаридиу. И чего-чего она тамъ про нее по написала!.. И ребята она таскаетъ чуть не каждый шельдь, и колѣнами ихъ придушиваетъ, и ехидной какой-то ее обозначилъ... Скажываютъ, будто Петрованъ хочетъ уже отшатнуться отъ своей невесты. А между тѣмъ про Дуньку ничего худого не слышно. Дѣлка себѣ какъ дѣлка, работица, не блавопая, только рожа у ней какъ ринето... Что же подѣлаешь, каки Господь такой ее сподобилъ... Токо и про шату фельдшерку-фрайтику Иванъ Павловичъ накаталъ записи... Ну и отдалъ же ее на славу... Слушал, мы, бабы, просто бока подрывали со смѣху.

— А мужъ ея что же на это?

— Мужъ не знаетъ. Записи-то дѣлалъ Иванъ Павловичъ не мужу, а Юркѣ. Тотъ полюбившестивоцалъ узнать про фельдшерку и прочиталъ потому записи почтѣ... Ушай мужъ про это, такъ оны поминалъ бы Иванъ Павловичу и Юркѣ кузинну мать... Карав Каравичъ хотя и добрякъ, а напца ему въ ротъ не влезли, и сама женоу не поустать въ обиду.

Эта фельдшеръ, или шрибе отставной подѣлкаръ, вѣмецъ происхожденіемъ, былъ истый Голіоць. Она, вскорѣ по прибытіи моемъ на „дѣлку“, сломала себѣ ногу и лежала въ баракѣ семейныхъ, въ отдаленномъ али него помѣщеніи, служившемъ также и аптекой. Нога его выхаживали еще въ зубкахъ и плохо подживала. Миѣ не удавалось познакомиться съ ея женой, фрайтихой, какъ ее назвала Аграфена Васильевна, хотя Василій Петровичъ и рекомендовалъ ее миѣ какъ довольно интересную личность. Большой мужъ самъ вкнутъ не выходилъ и по отпуску женоу отъ себя.

— Однако, миѣ съ вами итѣ времени бодтѣтъ, — заговорила Аграфена Васильевна, приподнимаясь съ кровати и отряхиваясь.

Надо приниматься обѣдъ стряпать. Съ бѣльемъ управилась какъ-какъ. Прощайте. Спасибо за вашу жзлость въ мой, коли выazole меня пожалѣли.

Тутъ она посмотрѣвъ на меня такимъ згучитъ и чарующимъ взглядомъ, какого л у ней еще не встрѣчалъ, и быстрыми шагами направилась къ бараку.

— Чортъ возьми, — подумалъ я, глядя ей по слѣдѣ. — Да этимъ взглядомъ эта босенокка въ состояніи не только озлого бѣса, но и цѣлую сотню ихъ посадить въ ребро этому старому хричу Семену Вѣричу.

Часу въ четвертомъ Василій Петровичъ позвратился рѣтальи съ рѣпки, оставилъ тамъ Пела Палонича. Съ нимъ приймѣ и Юрко. Мы начали въ троестъ обѣдать. После обѣда я рассказывалъ слышанное мною отъ Аграфены Васильевны.

— Что подѣлаешь съ этимъ краднцемъ! — воскликнулъ Василій Петровичъ. У него много древицъ рудонсой и сѣреничатыхъ вѣвгъ, которыми онъ морочитъ неждѣ. Онъ вымѣшался на старпій и ея ему влпомъ по выбѣтъ изъ головы Миѣ, однако, не доводилось видѣть у него книжку, изъ которой онъ дѣлаетъ какія то записи про бибъ. Ты, Юрко, не видѣлъ у него этой книжки?

— Сподобился есь, — отлѣчалъ Юрко уморительно ухмыляющимся. — Заглавіе ея слѣдующее: „Книга о мониданыхъ аниалъ, бесѣда отъ отца съ сыномъ списательна отъ различныхъ писаний и богомудрыхъ отцовъ, отъ премудраго царя Соломона и отъ Исуса Сирахова, и отъ многихъ философовъ и отъ великихъ мужей, отеческое преданіе къ смышу о жепской хитрости и злобѣ, и о сыновней добротѣ, обонхъ вкупѣ слово.“

— А не знаешь ли ты что это гочление? — спросилъ Василій Петровичъ.

— Не вѣдомо миѣ есть, — отлѣчалъ Юрко, во возрастающа ухмыляться.

*) Не знаю, означаетъ ли она видѣла изъ „Сказаній руской исторіи и древиствъ“ и изъ „Нажатникахъ отеческой (патриархальной) литературы“, издаваемыхъ повобинъ П. С. Уховаровымъ.

— Какія же „записки“ составляет по сей Иванъ Павловичъ? Любопытно было бы ихъ посмотреть.

— Вотъ сейчасъ узнаете. У меня съ нихъ списаны копии, — отозвался Юрко.

— Давай ихъ сюда.

Юрко отирывался въ казарму и черезъ минуту принесъ въ сколько величайшихъ листовъ.

— Вотъ какую записку далъ онъ Семелу Егорычу про Аграфену Васильевну, — началъ Юрко, — выбралъ изъ кучки одинъ листокъ.

И онъ прочиталъ, скорчивъ пресерьезную мину.

„Слушай, сыне, про твою лужавую и крадливую жену. Ты ее пріютилъ какъ щенца безгнѣвна и сира. Ужь она имѣеть ослеръ и тебѣ никонимъ образова лужавства ея по уразумѣти. Она не живеть съ тобою единодушно и выслить въ сердиѣ своемъ тако: „если мужъ мой умретъ, а живота мнѣ не прикажетъ, то мнѣ за другаго мужа идти будетъ не съ чѣмъ, шито мени убогую за себя не возьметъ“. И говоритъ она себѣ: «шишъ я всему добру госпожа, учию себѣ сокровища тайное, чтобы мужъ мой не вѣдалъ и начпу у мужа красти». И ты, сыне, того не вѣдаешь, а онъ крадетъ. И возглаголешь ты ей потомъ: „жена, что обнищажомъ я мѣнѣ наше въ превеликой скудости обрѣтаешь?“ Она же, жена твоа лужавая и крадливая, тебѣ отвѣтитъ: „должно быть то грѣхъ ради нашихъ.“

Мы разохотались.

— Въ некоторомъ смыслѣ наши оракулы правы, — заговорилъ Василій Петровичъ. Это Грушка дѣйствительно плутовка, но съ характеромъ, — я знаю ее. Мать ея побирушка въ Гомскѣ, а онъ предсталъ одна дорога — проституція: на эту дорогу ее и родилъ матушка панаравилъ. Но дѣвка знала себѣ цѣну, не поддавалась ласкивымъ подговорамъ и подѣвила себѣ старикашку, у котораго во слухать водились денешки... Онъ иногда заливаетъ, пить по мѣсяцу. Но онъ чрезвычайно слабъ головою. Достаточно 3-хъ или 4-хъ рюмокъ, чтобы привести его въ состояніе невѣжливости. Она возмущается этой его слабостію и во окончаніи занол представляеть ему чудовищный счетъ. Старика кажется, что онъ дѣйствительно шивилъ чуть не бочку вина... Штъ никакого сомнѣ-

нія, что она припритываетъ деньги. И даже стороной слышалъ, что у нея въ сберегательной кассѣ на ее имя хранится около 600 рублей. Въ отношеніяхъ это время баба... Поглядимъ — они живутъ очень бѣдно, ничего лишняго изъ одежды у нихъ нѣтъ. Она, пожалуй, еще изведеть старика. Сибирички наши на это мастерицы.

— А вотъ про Дуньку корявую, — отозвался Юрко, — просматривай новый листокъ. Послушайте, что онъ написалъ ея жениху Петровану Загвоздину.

— Послушаемъ и про Дуньку корявую. Валей.

— „Сія дѣвица, — началъ читать Юрко, — унодобилася ехаднѣ. Ехидно какъ родить чадъ своихъ, то искорѣ ихъ вознесавидитъ, и поѣдаетъ ихъ, а когда съѣдетъ, то онѣ прогрызають ей утробу и на древо уходятъ и она отъ того помираеть. Подобилъ дѣвцы пришивать олузомъ дити и чрево свое гнетуть и утѣшляеть и помышляють себѣ: „егда отроча изъ чрева изыдетъ, то я его своими колѣнами задую и тѣмъ свою дѣвическую печать павуду“. Зри ихъ: ходитъ быстро, но очами не искорѣ взираеть, вровъ булвы и во всѣхъ своихъ стремленіяхъ пенстовы, прехитра себя узрашнуетъ, брови свои уцѣпляетъ, дугами ихъ чинить, лядо и шыю вапами ушаваетъ и руминевыми крестить, ихъ одѣваніе черепное всего чаще облекають, перети на палцы воззаваютъ и сергами уши пронизываютъ. Когда вутель градуть, главу вротко обрацають и всѣ суставы свои къ претяженію человекоев ухничиваетъ и шпотѣ сердца юшошей огневальными стрѣлами устрѣляетъ, яко аномъ змѣивитъ“.

— Какъ же Петрованъ Загвоздинъ отнесся къ этой характеристикѣ своей невесты? — спросилъ Василій Петровичъ.

— Онъ хотя и самъ язь кержакомъ^{*)}, но не очень то почитаетъ своего пророка, — отвѣчалъ Юрко, — кажется, дочеть ему память хорошенько бока.

— И подѣломъ. Дунька вовсе не базованная дѣвка. Мнѣ кажется, что и самъ оракуль непрочъ бы приударить за ней и у него вбравно была какая-нибудь задняя мысль, когда онъ ее

*) Гаскельшопъ.

вздумалъ очернить передъ жениховъ. Какъ полагашь Юрко?

— Есть что-то тутъ. Это много замѣчаютъ. Онъ ни къ одной женщинѣ не благоволитъ такъ, какъ къ ней.

— А что онъ написалъ про фельдшериху?—спросилъ я.

— Неужели и Карлъ Карловичъ обращался къ ея куду прасчетъ оней благовѣрности?—быстро спросилъ Василій Петровичъ.

— Это не онъ, а я,—отвѣчать Юрко.—Вашежки наши просили меня узнать про фельдшериху отъ Ивана Павловича. Онъ ее не любитъ за ея гордость и франтовство.

— Что же Иванъ Павловичъ сочинилъ про нее?—допытывался Василій Петровичъ.

Юрко прочиталъ:

«Слушай, сыне, про злотивую и будничную жену, иже франтихой нарицается. Если мужъ ея откуда въ жилище свое придетъ, то она на ербетвию къ нему исходитъ, тѣлгами скалбленицаяся, очами поселицающа и прѣломъ уличивающа, а руки мужа припимаеъ, одѣвше его снѣлачаеъ, словами уличиваетъ и вилаетъ во всея будно ему вѣрна и добра. Любила его, говоритъ: «Поди, господише мой, свѣтъ очей моихъ, едидость гортани моея, вѣсти я не могу безъ тебя, свѣта моего, и ви единаго слова безъ тебя молвити мнѣ ни съ плѣмъ не хочется, и лицо мое отекло и сердце обвисило. А коли изгину на тебя, свѣта моего, то возрадуеши и сретави мои рѣснѣиваетъ и выграютъ всѣ жили мои и поджизнь, отъ велией радости руки и ноги мои слабѣютъ. Бравъ мой любившии вѣчно прѣтъ моими очами. Если услышу сладкия твои словеса, то не узгѣю, что отвѣчать, мои уста не отверзаются отъ велией радости. Огонь въ сердцѣ моемъ горитъ и лицо мое падетъ, и всѣ сретави мои прѣются». Такъ она его уличаетъ. Егда же мужа дома не случитъ, то она близъ окоца присѣдотъ, сѣмо и окоцо зреть и со смиреніемъ не сидитъ. Скачетъ, пляшетъ и всѣмъ тѣломъ движетъ, сонгами стучитъ, руками влещетъ, иви прѣльтивалася будицица Продѣтъ, бедрами трасетъ, хребтомъ виляетъ, главою киваетъ, гласомъ вопіетъ, языкомъ глаголетъ бѣсовскан, ризами повлачается, подобно Продѣтъ чипитъ и многихъ мужей прѣльщитъ ухитрится».

— И много въ этой книжкѣ бабьихъ характеристикъ па-

ходится?—спросилъ Василій Петровичъ.

— Есть ихъ довольно. Одна другой укорительнѣе.

— Ты неправѣнно дѣлалъ ее у Ивана Павловича.

— Я вѣмъ, «ея хотѣю, сплшю съ нею коню.

— Это еще лучше.

— Однако, пора идти я свѣту Ивана Павловича. Я и такъ немногу выѣхалъ,—продѣтъ Юрко, прѣтъ бумажки въ карманъ. Онъ ушелъ. За нимъ пошелъ и Василій Петровичъ, въ руку передавая ему какія-то распоряженія.

— Я тобѣ не рассказывать,—обратился онъ ко мнѣ, выйдая въ залъ,—какъ этотъ Иванъ Павловичъ поступилъ на службу къ моему отцу.

— Не помню,—отвѣчать я.—Расскажи, если это интересно.

— Очень даже.

Василій Петровичъ закурилъ, и мы пошли въ мою комнату.

— Прадѣтъ мой,—началъ онъ, растягиваясь на диванѣ,—былъ уроженецъ гор. Тюмени. Имятъ, что Тюмень означается въ Сибири центромъ старообрядчества и въ этомъ отношеніи она соперница Москвы. Наше семейное преданіе гласитъ, что прадѣтъ мой шлетъ съ прабабушкой, четирыма сыновьями и ихъ женами, во стѣлу Вожью и ради спасенія души, сожгли себя добровольно въ срубѣ. Пятый же сынъ, самый младшій—это мой дѣдъ—уболея этого огненнаго спасенія, ударилъ въ Гомскую губернію, въ Шарымскій край. Тутъ онъ женился, обзавелся хозяйствомъ и зажить себѣ отлично, благодаря трезвости и трудолюбію. Умирая, онъ оставилъ отцу моему крѣдвое состояніе. Отецъ мой хотѣлъ употребить отъ дѣдушки икру въ антихриста, овладѣвшанаго міромъ, по все тѣмъ не былъ вѣромъ просвѣщенія и доказывалъ своимъ единоверцамъ, что въ нынѣшнее время науки не бѣжающими, что онѣ могутъ быть полезны старообрядцамъ, такъ какъ при помощи ихъ съ антихристомъ и его служителями можно дѣлать сраженію бороться орудіями его же, антихриста, свѣтъ покаянны. Благодаря этому, я и сестра моя получили «ирево» образованіе, оконченное мною въ университетѣ, а сестра—спача въ гимназіи, а потомъ на курсахъ. Но почтенный родитель мой ошибся въ своихъ предположеніяхъ и въ надеждѣ увидѣть въ дѣтяхъ своихъ отол-

бы раскола. Нука!—плохой защитник догмъ какихъ бы то ни было. Уже въ третьемъ классѣ гимназій и и сестра моя начали сомнѣваться въ существованіи предлоутоваго антихриста, а въ пятomъ классѣ окончательно въ немъ извѣрились. Сестра моя пошла даже дальше меня. Она съ курсомъ отправилась въ Америку и, вышедши тамъ за мужъ за унитаріанца, сама сдѣлалась унитаріанкою.

— Это балаи-то попалъ секта,—отозвался я,—и мнѣ вовсе не впакомал.

— Унитаріанцы,—продолжалъ Василій Петровичъ,—не имѣютъ никакого теологическаго ученія, у нихъ нѣтъ ничего писаннаго и обязательнаго въ этомъ родѣ. Каждый ихъ проповѣдникъ можетъ говорить, что угодно, но будучи связанъ рѣшительно ничѣмъ, кромѣ собственной совѣсти. Но ихъ мнѣнію, нѣтъ въ мірѣ никакихъ антихристовъ,—существуютъ только добрыя и дурныя дѣла. Добро есть истина, зло—ложь. Самымъ лучшимъ дѣломъ есть честный, производительный трудъ, а самымъ худшимъ—привадила созорцательство. Человѣкъ, какъ разумное существо, посылается въ этотъ міръ не на тяжелый трудъ, а для совершенія возможнаго числа добрыхъ дѣлъ. Онъ долженъ стараться устроить по-удобнѣе свою жизнь и оградить себя отъ нищеты, грязи, повѣжества и страданій. Этими онъ и будетъ дѣлать настоящее добро... У отца моего подолгу находили пріютъ странники, пропагандисты различныхъ мрачныхъ ученій. Особенно много ихъ являлось изъ секты „бывуновъ“... Слава о его гостепримствѣ гремѣла между раскольниками далеко. Вотъ въ одинъ прекрасный день, дѣтъ 13 тому назадъ, и явился къ нему этотъ Иванъ Павловичъ. Я означивалъ тогда уже университетъ и пріѣхалъ къ отцу погостить. Я сидѣлъ въ кабинетѣ отца, когда явился къ нему впервые этотъ сумасбродъ, рекомендація себя забайкальскимъ старообрядомъ. Отецъ спросилъ его, не бѣглый ли онъ изъ каторги и имѣетъ ли паспортъ? Тотъ вынулъ изъ за-пазухи какую-то бумагу и податъ ее отцу. Истой, я берегу эту бумагу, какъ цѣннѣйшую раритетъ.

Тутъ Василій Петровичъ вошелъ въ свою комнату, порылся въ ящикѣ и принесъ пожегшій листъ бумаги, сложенный въ четверо.

— Ни-но, полюбуйся,—сказалъ онъ мнѣ.

Бумага оказалась написанною славянскими буквами, словно печатными. Я прочиталъ слѣдующее:

„Облинитель сего, раба Исуса Христа Иоаннъ, увоченъ изъ Иерусалима града Божія въ разные города и селенія ради души спасенія, грѣшному же тѣлу ради истиннаго озлобленія. Промышлять ему праведными трудами и работами, еже работати съ прилежаніемъ, а пить и ѣсть съ воздержаніемъ, противу всѣхъ не превословить, но токмо Бога славословить, убивающихъ тѣло не бояться, но Бога бояться и терпѣніемъ укрѣплятися; ходити правыми путемъ во Христѣ, дабы не задержали блга раба Божія ни гдѣ. Утверди мнѣ, Господи, изъ святыхъ заповѣдей стояти и отъ Востока, тебѣ, Христа, въ западу, сврѣчь въ Антихристу, не отступати. Господь, просвѣщеніе мое и Спаситель мой, кого ся убояю? Господь, защититель живота моего, кого ся устрашу? Аще оподчтися на меня полкъ, по убоятися сердце мое. Цокый мнѣ—Богъ, прибѣжище—Христосъ, покровителю и просвѣтителю—Духъ Святый. А какъ я сего не буду соблюдать, то послѣ буду много плакать и рыдать. А кто страннаго мя пріяти въ домъ свой будетъ бояться, тотъ не хочеть съ Господомъ моимъ знаться, а Царь мой и Господь Самъ Исусъ Христосъ, сынъ Божій. А кто мя, ради вѣри, погонитъ, тотъ лѣи себя со Антихристомъ во адъ готовятъ. Давъ себѣ начвортъ изъ града Божія Вынино, изъ Сибирской полциці, изъ Голгоосскаго вквртала. Приложено къ сему начворту множество во-видимыхъ святыхъ отецъ рукъ, еже бы боялися странныхъ и вѣчныхъ мукъ. Давъ себѣ начвортъ отъ инженерисаннаго чина на одинъ вѣкъ, а по истеченіи срѣва янитися мнѣ въ мѣсто нарочитое на страпный Христовъ Судъ. Происшаны мои примѣты и мѣта въ радость будущаго вѣка. Яценъ начвортъ въ части Святыхъ и къ книгу животну подѣ нумеромъ будущаго вѣка записанъ.“

(Продолженіе будетъ.)

Х. Нидро.

менгахъ прибиваютъ заушница и всегда почти одноименныя свои пѣсни. Есть изъ остяковъ хорошіе игроки, которые на хотолѣ и домбрѣ выигрываютъ нѣкоторыя русскія пѣсни. Увеселенія самоёдовъ состоятъ въ играхъ: въ борьбѣ и скаканіи въ подражаніе зѣбрямъ. Они имѣютъ также пляски: стаповаются парами мужчина съ женщиною другъ противъ друга, не сходя много съ мѣста, дѣлаютъ разныя тѣлодвиженія, переставляютъ подъ тактъ поги и, дѣлая разныя жесты руками, попеременно бьютъ одинъ другому погами въ поги и руками въ руки съ прихрапываніемъ въ носъ. Музыка ихъ—длинные трубы и рожки.

(Продолженіе будетъ.)

ОСТЯЦКІЯ СКАЗКИ.

или

ВЕЧЕРА НАДЪ ОБІЮ.

(Продолженіе.)

— Во время чтенія отцомъ моимъ этого курьезнаго паспорта,—началъ Василій Петровичъ (когда я, съ нескрываемымъ чувствомъ гадливости, бросилъ бумагу на столыкъ),—Иванъ Павло-

⁴¹⁾ Описаніе о народѣ Остякомъ. Гр. Повицкаго—рукопись, хранящ. въ тобольск. архіер. резницѣ, гл. 2, отд. 20.

внуче зорко стѣдѣти своими рысими глазами по лицу отца до впечатлѣннѣйш, какое произведетъ этотъ паспортъ. Но лицо это оставалось невозмутимо спокойнымъ. Отецъ два раза прочиталъ документъ изъ Сибирской полиціи, наконецъ, улыбулся и говоритъ Ивану Павловичу: «Складно написана бумага. Кто же тебѣ, чело-вѣче, ее написалъ? (Отецъ думаетъ что имѣетъ дѣло съ нечеловѣчѣйш грамотой).— Я самъ ее сочинилъ,—отозвался Иванъ Павловичъ. И вѣдъ изъ лачетчинокъ.»— «Куда же ты думаешь направ-ить стопы твои?»— «Хочу изъ царствъ антихриста направиться въ предѣлы матери пустыни, хочу поселиться въ чернораменскихъ дѣсахъ Томской губерніи. Вѣдомо бо мнѣ сдѣлалось, что тамъ пребывать немалое число россійскихъ людей, трудящихся въ меле-днѣ Господу Богу. Съ ними союкуплюсь и устрою скитъ».— «Не думаешь ли сдѣлаться игорымъ Иваномъ Сибирскимъ?»—спросилъ отецъ. Чай, слышалъ объ немъ?»— «Слышалъ и ждалъ бы ему удо-бодиться.»— «А слышалъ ли ты, что скиты его разорены?»— «Съ Божіей помощію можно построить новые, въ болѣе урюминыхъ мѣстахъ. И пришелъ просить у тебя, отче, вѣщанія и благословенія».— «Бла-гословенія и дать тебѣ не достоинъ, такъ какъ я не архіерей, а въ па-ставленіи по откажу. И вотъ что скажу тебѣ, друже. Времена полнѣ худыи, трудно бороться съ зѣромъ, погрѣшнымъ во грѣхѣ, а съ па-чалъствомъ, преслѣдующимъ старую вѣру, еще труднѣе. Брось ты свою затѣю насчетъ скитовъ и житія пустыннаго, поступи-ка луч-ше ко мнѣ на службу. Мнѣ нуженъ трезвый, грамотный и едино-вѣрный человекъ. Обиженъ не будешь». Иванъ Павловичъ помял-ся, поломался и поступилъ къ своему отцу, сначала простымъ ра-ботникомъ, а потомъ сдѣлался приказчикомъ и скорѣй заслужилъ полное у отца довѣріе. Годъ черезъ три, по поступленіи къ своему отцу, онъ подалъ въ мѣстѣ красавую женщину изъ православнаго

*) Такъ звали Иванъ Сподовникъ протополена въ печати авторомъ осо-бна статья надъ заглавіемъ: «Разрѣшеніе раскольниковъ скитомъ въ 612-бор-довской и чуманской тайпахъ Томской губерніи въ 1873 году». Устроившій Иваномъ Сибирскимъ скитъ находится въ 70 верстахъ отъ города Томска. Ма-териаломъ для упомянутой статьи послужило подлинное «дѣло пакостнаго» въ архивѣ Томскаго оружи. полиц. управленія.

кумическаго семейства, и пророковъ его, ограничиваясь однимъ лишь совраденіемъ жепы въ расклатъ.

— Нельзя сказать, хорошъ туль твой Иванъ Павловичъ, — от-звался я.

— О, это птица изъ породы самыхъ худшихъ, съ сильными размапленими крылами, зоркими глазами и острыми когтями. Но, къ несчастію, крылья эти съданы прежде чѣмъ оперились, а когти обрѣзаны прежде чѣмъ отросли, такъ помутнилась отъ затхлой атмосферы и въ природный свободности изуродовалась. Ты бы когда нибудь побесѣдовалъ съ нимъ о старой вѣрѣ. Уда-дишь, какинъ онъ тебѣ покажется чудецъ.

— Ну еси! — возразилъ я. Ты бы мнѣ лучше выказалъ и же-пѣ фельдшера, о которой этотъ Иванъ Павловичъ высказалъ сво-ротельную мысль... Ты мнѣ какъ-то намекалъ, что это интерес-ная личность.

— Дѣйствительно, мнѣ невольно извѣстна ея біографія. Но то, что я тебѣ разскажу, пускай останется между нами. Впрочемъ, лучше не разсказывать.

— Ну, ужъ это, старъ, дудки. Нельзя было не узнать мое любопытство. Ни за что не отстану, хоть тресни, а вы-казывай.

— Дѣлать съ тобой, видно, нечего. Но, повторю, ни что л разскажу тебѣ, пускай останется между нами.

— Объ этомъ нечего повторить. Разъ сказано — такъ и дѣла-по бытъ.

— Исторія-то крайне возмутительная.

— Какія бы тамъ она ни была.

— Такъ слушай же.

Василий Петровичъ вышелъ изъ моей комнаты въ 12 часовъ и при-несъ оттуда нѣсколько папировъ. Затѣмъ, шаурнувъ, снова рѣтя-нулся на диванъ и началъ.

— «... (Продолженіе будетъ).»

У. Ныдро.